

Юлия
Журавлева

КАФЕДРА
Зооцелительства

Юлия Журавлева

Кафедра зооцелительства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69729298

SelfPub; 2023

Аннотация

У девушек из богатых семей все распланировано с детства. Отучиться в Академии магии, получить диплом и выйти замуж за перспективного мужчину. Именно на эти пункты я и рассчитывала. И не предполагала, что могу в одночасье лишиться всего: и семьи, и денег, и жениха, и положения в обществе. Теперь нужно сделать все, чтобы не потерять последнее: место в Академии. А для этого придется очень постараться, ведь с руководителем своей кафедры я успела основательно испортить отношения.

Содержание

1. В одной постели	4
2. Письмо	17
3. Встреча	31
4. Учеба	42
5. Лекции	54
6. Дом	65
7. Практика	74
8. Феникс	82
9. Ужин	95
10. Жених	104
11. Соседка	112
12. Прическа	121
13. Задание	132
14. Поверенный	145
15. Воспоминания	157
16. Признание	176
Конец ознакомительного фрагмента.	186

Юлия Журавлева

Кафедра зооцелительства

1. В одной постели

Я стояла возле кровати и смотрела на лежащего на ней мужчину. От мысли, что собираюсь с ним сделать дальше, была крупная дрожь. Губы я кусала до крови, что даже неплохо с учетом ситуации: будет натуральнее выглядеть.

Ох... я тяжело сглотнула и вытерла о рубашку вспотевшие ладони. Еще не поздно отступить, просто уйти, может, он и не поймет, что случилось. А если и поймет – какая разница? Я уже отчислена. Завтра приказ передадут в канцелярию Академии, оформят, и у меня останется два дня, чтобы собрать вещи и освободить комнату...

Нет. Я не могу этого допустить. Терять мне все равно нечего, а если что-то пойдет не так... об этом лучше вообще не думать.

А о чем тогда думать? О хорошем? У меня все было хорошо, пока я не пошла учиться в Академию. Родители, не последние люди в Целительской палате, настояли на поступлении именно на целительский факультет, пусть способностей у меня явно не доставало. Тестирование выявило высокий потенциал боевой магии – восемь из пятнадцати, и тем-

ной магии – целых двенадцать пунктов. Но учиться на проклятийника или некроманта я точно не собиралась. Магии жизни всего три пункта, для получения диплома и звания «местресс» должно хватить. А дальше меня ждало замужество, жених-красавец и положение в обществе. Работать я не планировала, но для порядка и галочки пройти Академию все равно должна.

Поэтому не без содействия родителей, их связей и денег я поступила на факультет целительства, который в ту пору возглавлял местор Вайс. Он-то и посоветовал мне пойти после общих курсов на кафедру зооцелительства. Уровень эмпатии у меня был необычайно высок. Абсолютно бесполезный дар. Правда, кому и где нужна эмпатия? Разве что храмовникам, ну и зооцелителям при работе с пациентами.

Идея мне в целом понравилась. Моих трех пунктов хватало, чтобы проводить простейшие манипуляции, а эмпатия помогала налаживать контакт с животными. И все шло неплохо, я отучилась три курса на общем, после ушла на кафедру зооцелительства, где немолодой, но понимающий завкафедрой принял меня как родную и не трогал счастливые полгода. Я, по мере возможности, училась и старалась постигать азы науки работы с животными. А потом в Академии началась проверка.

Я краем уха слышала, что где-то наверху случился серьезный скандал, едва ли не заговор с участием целителей. И руководство Академии оказалось то ли в этом замешано, то ли

просто нечисто на руку, но факт остается фактом: всех, начиная от ректора, заканчивая всеми завкафедрой и некоторыми преподавателями, быстренько, без лишнего шума сместили и назначили новых.

Тогда и начались мои проблемы. Местор Альдер, ставший новым заведующим кафедры зооцелительства (и почему именно он?), сразу взялся за меня всерьез. Провал промежуточных тестов по основной специализации, провал практических работ, провал итоговых экзаменов. Я завалила почти все, что только можно. И предсказуемо два дня назад получила письмо об отчислении. А мне ведь осталось проучиться всего год! Последний год продержаться – и мучения закончатся, как мои, так и преподавателей.

Нет, к этому все шло, но все равно я надеялась, пыталась договориться, рыдала в кабинете у главы кафедры, с каменным лицом наблюдавшим за моей истерикой. И никакие объяснения, уговоры, посулы, угрозы, слезы и мольбы его не тронули. Завтра приказ вступит в силу, и я отправлюсь вон из Академии.

Тогда-то я и решилась.

Родители давно вели дела с мехами – талантливыми мастерами, создающими невероятные механизмы, улучшая и усиливая их свойства магией. Это больше, чем артефакты, помогающие в работе. Эти устройства когда-нибудь потеснят магов, дав обычным людям возможности, которые и не снились раньше.

Сфера, сохраняющая изображение, а потом выдающая его полноцветную проекцию. Я ее недавно присмотрела и купила просто так. Думала, встретимся с Гильермо и сделаем пару изображений. Кто же знал, что она пригодится мне совсем в иной ситуации и не с Гильермо?

Погрузить в сон человека оказалось и вовсе не сложно. Для этого не нужно ничего подсыпать или подливать в еду. Всего-то запустить через тонкую трубочку в комнату газ, предварительно самой приняв антидот, и объект гарантированно уснет на четыре-пять часов прямо там, где находился. А главное: анализ крови не покажет никаких посторонних веществ в организме. И в комнате их не засечешь – улетучиваются они быстро. Удобнее некуда придумали мехи – ничего не скажешь. Лучше только универсальная отмычка для любого замка.

Я очень надеялась, что местор уже будет в кровати, но он оказался за столом. Тот еще трудоголик. Пришлось тащить его, кряхтя и ругаясь сквозь зубы.

Теперь я стояла и не могла решиться на последний шаг, а решаться нужно – и быстрее. Мехи предупредили, что газ тестовый, на практике его проверяли мало, поэтому мешкать не стоит. Еще просили потом рассказать, увенчалось ли дело успехом...

Дрожащими руками я стащила с мужчины сапоги. Надо было это сразу сделать, но он оказался очень тяжелым, а заклиниванием телекинеза я владею плохо. Я вообще плохо вла-

дею магией, зачем мне ею владеть, если работать я все равно не планирую? Родители мне всегда говорили... Нет, о родителях думать не стоит. Что бы они сказали, узнав, что творит их дочь? А что скажут, увидев меня с вещами на пороге дома, отчисленную из Академии? И что скажет Гильермо? О Гильермо в такой ситуации думать тем более не следует.

Сапоги сняты, теперь галстук, мудреный узел которого никак не получается нормально развязать непослушными пальцами, но портить вещи не хотелось. Меня воспитывали уважать чужую собственность. И рубашку расстегнула аккуратно, стянула и повесила на изголовье кровати рядом с галстуком, чтобы не измялась.

Местор Альдер остался в домашних брюках и носках. В идеале, конечно, раздеть бы его полностью и раздеться самой, но так далеко моя смелость не простиралась. Поэтому я просто накрыла его покрывалом, убедившись, что все равно непонятно, есть у него там что-то или нет.

Теперь настала моя очередь раздеваться. И, вроде, знаю, что мужчина спит, а все равно неудобно. Мы с Гильермо до такого еще не дошли, жених меня не торопил, заверив, что готов ждать свадьбы. А тут раздеваться перед малознакомым мужчиной... Обругав себя за неуместную скромность (какая скромность, когда собираешься шантажировать собственного руководителя?), я разулась, сняла с себя всю одежду выше пояса, включая белье, решив, что если останусь в одежде и укурюсь целиком под одеялом, то картина не получится убе-

дительной. А делать надо так, чтобы сомнений ни у кого не осталось. В том числе у самого местора Альдера. Одеялом я только грудь прикрыла, оголив плечо. Сделано. Теперь прижаться к местору...

О, боги, что я творю?

Было страшно и стыдно. А ведь с ним потом придется разговаривать...

Лежа в кровати и глядя на мужчину, я в который раз сомневалась в правильности своего поступка. Нет, не так. Я знала, что он неправильный и просто незаконный, но рассматривала его как жест отчаяния, когда нечего терять. Неужели мне так нужно продолжать здесь учиться? Ведь способностей со временем все равно не прибавится, а замуж можно и без диплома...

Только, боюсь, родители и Гильермо могут не согласиться с подобной логикой, они возлагали на меня большие надежды. А вдруг Гильермо откажется жениться? И родители содержание урежут...

Я честно пыталась донести это до местора Альдера, но какое ему дело до моих личных проблем? И какое дело мне до того, что он подумает? У него же все отлично.

Сильный маг, без проблем окончивший Академию и получивший должность сразу старшего преподавателя. Талантливый исследователь, успевший к тридцати годам войти в элиту целительства, разработав несколько принципиально новых подходов к работе с животными. Привлекательный

мужчина, ради которого студентки начали ярче краситься и старательнее учиться. Высокий, смуглокожий, темноволосый и темноглазый, сразу видно – носитель южной крови. Да и имя соответствующее – Саид. Мне он вначале тоже понравился, не Гильермо, конечно, но тоже ничего. Зато я не понравилась ему сразу, стоило новому завкафедрой взять табели с оценками. Можно сказать, это была нелюбовь с первой строчки. Мои баллы были на нижней границе, но все же проходные, и ведь я на потоке такая не одна, но придирааться и цепляться местор Альдер начал именно ко мне.

И вот результат: мы лежим в одной постели, только он крепко спит и пока ничего не подозревает, а я медленно подвигаюсь к нему, кладу голову на грудь. Кто бы мог представить такой поворот в начале семестра? Точно не я. И весьма сомневаюсь, что местор мечтал о подобном завершении учебного года... А может, как раз мечтал, но боялся признаться? Тогда это многое бы объяснило. Неудобно, оказывается, на груди лежать. Почему-то все говорят, что спать у любимого на груди – очень приятно. Не знаю, проблема ли в том, что я не могу назвать местора любимым, или грудь у него какая-то неправильная, слишком твердая, но лежать жутко некомфортно. Стиснув зубы, я обняла мужчину, чувствуя, как горят щеки. Какой же кошмар, Элиза, как низко ты пала. И ведь это только начало...

Местор пошевелился, и я откатилась, точнее, попыталась, но не смогла. Мужчина повернулся на бок и сгреб меня в

охапку, крепко прижав к себе. Запаниковав, я попробовала выбраться, но тут же взяла себя в руки. Так даже лучше, что он сам меня обнимает. Развернувшись к местору спиной, я магией активировала проект-сферу. Та поднялась и зависла над нами, сразу выдавая проекцию изображения. От увиденного мне стало совсем нехорошо. Я лежу на боку, волосы растрепаны, губы искусаны, лицо горит, одеяло сбилося вниз, почти оголяя грудь, мужская рука поверх, и сам мужчина, дышащий мне в ухо.

Картина, конечно, та еще...

Я щелкнула пальцами, давая команду сохранить изображение, потом, дождавшись, когда хватка ослабнет, осторожно выбралась из-под руки местора. В одежду я влезала впопыхах, будто за мной гонится стая арнаудских волкодавов, нырнула в рубашку, только потом поняв, что надела ее наизнанку. Ну и пусть.

Теперь осталось достать заранее подготовленную записку в одну строчку: «Обсудим мое отчисление?», положить поверх сферу поменьше с копией записи и уйти.

Проще некуда. Я оставила все на рабочем столе, сдвинув раскрытую методичку и наброски будущих лекций. Сфера с изображением внутри странно смотрелась, мехи сказали, что делали ее, чтобы поместить туда портрет любимой, например. Интересно, есть ли у местора любимая?

До женского общежития из корпуса преподавателей я пробиралась кустами, заработав пару дополнительных цара-

пин в довершение к общей помятости, потом через черный ход поднялась к себе. Спасибо родителям, что оплатили мне отдельную комнату, иначе пришлось бы еще с соседкой объясняться. Как следует спрятав сферу в шкафу в ворох одежды, я выпила успокоительное (без него вряд ли усну), завела будильник и рухнула на кровать. Все. Теперь назад пути нет, остается пережить утро и разговор с местором. И будь что будет!

Разговор не заставил себя ждать. Утром меня разбудил стук в дверь.

– Руководитель кафедры просил вас зайти.

Девчонка, с веснушками и двумя рыжими косичками, кажется, со второго курса, топталась под дверью.

– Спасибо, – буркнула я, окончательно просыпаясь.

Перед смертью не надышишься: я решила поскорее закончить с самой неприятной частью нашего дела – объяснениями.

Быстро умывшись, на скорую руку расчесав волосы и надев форму, я вышла из комнаты и поспешила в кабинет главы кафедры зооельства. Сделав пару глубоких вдохов перед дверью, громко постучала.

– Заходите уже! – раздалось из кабинета.

– Доброе утро, – вежливо поздоровалась я, входя.

– Вы правда считаете это утром добрым, леди Риар?

Завкафедрой стоял у окна, как и всегда, в идеальном костюме. Черные волосы собраны в хвост, темные глаза свер-

кают из-под густых смоляных бровей, чуть крупноватый нос, губы сжаты в линию, волевой подбородок покрыт фирменной и очень шедшей ему щетиной, ночью она немного кололась. Ночью.

С воспоминаниями в лицо бросилась краска, но я стояла, прямо глядя на преподавателя.

Местор Альдер достал из кармана шар и подкинул вверх. По комнате пробежался солнечный зайчик. Я по-прежнему молчала, наговорила уже в этом кабинете.

– Знаете, леди, а я вас недооценил, – преподаватель заглянул в шар, отчего у меня загорелись уши, щеки пылали давно. – Нет, серьезно. Я-то думал, вы несчастная девушка, которая выбрала не тот путь в жизни и не может этого признать. А оказывается, вы наглая и беспринципная шантажистка, готовая ради достижения цели на любую подлость и низость. Даже залезть в мужскую постель.

– Я не...

Местор поднял брови, ожидая продолжения, я же выдохнула. Да, пусть он думает обо мне именно так. Мне ведь это и нужно.

– Я не хотела, чтобы до подобного дошло. Но вы сами не оставили мне выбора!

– Значит, это я виноват?

– Да! То есть нет, но все равно, – почему я теряюсь в такой важный момент? – Я же просила, а вы остались равнодушны к моим мольбам и просьбам!

– Это нормально, леди Риар, здесь Академия, а не детская группа, и кого попало не держат. Если ученик не справляется – он вылетает. Так было и так будет.

– Но вы же...

Меня затрясло: а если этот человек пожелает рискнуть и все обнародует? Сдаст меня властям? Родителям? Обернет мой шантаж против меня? Ушедшие, почему я думаю об этом сейчас, а не тогда, когда готовила свой «гениальный» план? Почему-то мне казалось, что местор испугается потерять должность и сразу станет сговорчивым. Значит, рисковать должна я.

– Вы не посмеете! Иначе это вам дорого обойдется!

– А вам? Неужели позор не страшнее отчисления из Академии?

Удивительно, но местор был спокоен. Убийственно спокоен. Вот если бы он орал, обвинял, пытался мне в ответ угрожать, я бы чувствовала себя проще. Именно я была бы жертвой ситуации. Но он почему-то не орал, а лишь смотрел с легким прищуром, внимательно, оценивающе. И, кажется, видел сейчас во мне совсем не горемычную студентку, а именно шантажистку и падшую женщину.

– Вы не понимаете. И не поймете, – я отвернулась.

– Вы правы, мне действительно не дано понять, как девушка из такой уважаемой семьи оказалась способна на такую низость и подлость. Что бы сказали на это ваши родители?

– Мое отчисление расстроило бы их куда сильнее, – сквозь зубы процедила я.

Он не пробьет меня своими оскорблениями.

– Если бы вы проявляли большее рвение в учебе, то выбор бы был. Но, вижу, вы нашли путь проще.

Я проглотила очередные несправедливые упреки. Да я честно старалась лучше учиться, а толку-то? Кого волнуют мои успехи в смежных направлениях или то, что из целителей я лучше всех показала себя на боевом полигоне, а проклятья снимаю легким движением руки? Жаль, накладывать их никто не учит. Но в целительстве я была пусть и не полным нулем, но теми самыми тремя пунктами из пятнадцати по магическому распределению.

– Идите, леди, наш разговор окончен. Если вы так жаждете учиться, я не собираюсь вам препятствовать. Но все экзамены будете сдавать на общих основаниях, не думайте, что теперь можете совсем забросить занятия.

Я недоуменно взглянула на мужчину, севшего за свой рабочий стол и сосредоточившегося на бумагах. Вот так просто? Я же готовилась нападать и держать оборону, а он взял и махнул рукой. И зачем, спрашивается, до этого надо было доводить? Неужели сразу нельзя было договориться? Вслух я, конечно, ничего спрашивать не стала. Меня все равно показательно игнорировали. Ну и ладно.

Я молча вышла, прощаться или благодарить за предоставленную возможность не собиралась – вот еще. И, кажется,

все прошло как нельзя лучше. Меня не прибили, не сдали властям, родителям, и документы об отчислении в ректорат, похоже, тоже не сдадут. Осталось продержаться год учебы, получить заветный диплом – и дело в шляпе. Просто отлично и замечательно.

Только на душе все равно гадко и кошки скребут. Ничего, с кошками как-нибудь договоримся, не зря же я зооцелитель с высоким эмпатическим даром.

2. Письмо

Весь день после разговора с завкафедрой я проходила сама не своя. Несколько раз пыталась сесть за учебу, но сосредоточиться не получалось. А ведь местор Альдер ясно дал понять, что за красивые глаза мне экзамены не зачтет. Но уже то, что я к ним вообще допущена, обнадеживало. Сдам как-нибудь, мне лишь бы проходной балл набрать, я же работать потом по специальности не собираюсь и в стипендиях не рвусь. Спокойно дожить последний год в Академии – и забыть все как страшный сон. Но сон мне сегодня не светил. Во всяком случае, спокойный.

Под вечер в комнату постучала комендант общежития. Женщина крупная, суровая, вечно хмурая, смотрящая на студентов так, будто видела, как мы все тут казенное имущество портим. Ходили слухи, что она из боевых магов и как-то получила ранение, магию почти выжгло, вот и пристроили ее хоть куда-нибудь. С бытовыми заклинаниями она справлялась нормально, а большего здесь и не требовалось. Местресс Тилия оглядела меня, поджав губы, и практически сунула в руки конверт из жесткой желтой бумаги. Я только плечами пожала и вернулась за стол, где пыталась изучать премудрости зооцелительства, перевернула конверт, и... сердце ухнуло вниз.

На конверте стояла крупная печать тайной стражи – под-

разделения, занимающегося расследованием самых тяжких преступлений. От одной мысли, что им могло от меня понадобиться, ладони вспотели, а внутри все сжалось. Дрожащими руками я вскрыла конверт, в котором нашелся достаточно лаконичный приказ прийти завтра в приемное отделение, иметь при себе удостоверяющие документы, включая печать мага, и быть готовой давать показания. Никак иначе данное послание не расшифровать, поскольку начиналось оно с фразы: «Элизе Риар завтра, 27 числа текущего месяца, надлежит явиться к девяти утра по адресу...». Далее адрес, упоминание документов и показаний. В глазах потемнело, но я взяла себя в руки, допила чай в чашке, покрутила в руках пузатый заварочный чайник, поняв, что он пустой. Подумала заказать из местного кафетерия еще что-нибудь вкусное, но вряд ли чай и сладости смогут меня успокоить. Напротив, после первого шока мозг заработал на полную. Сердце возвращалось из пяток, захватив с собой обиду и злость.

Нет, я этого так не оставлю! «Сдавайте экзамены» – сказал он! «Продолжайте учиться»! Ну, местор, если вы считаете, что я буду молчать, то глубоко заблуждаетесь! Да я такого расскажу! Что вы меня весь семестр соблазняли, нарушая все писанные и неписанные законы вместе с преподавательской этикой! Только что я была близка к панике, но теперь внутри все кипело. И спокойно сидеть, дожидаясь завтрашнего дня, физически не могла. Время еще не позднее, передвижение по территории Академии пока не ограничено, так что,

недолго думая, я схватила письмо, накинула пальто – ранняя весна, на улице прохладно, и вышла, игнорируя недовольный взгляд комендантши, направившись прямо к преподавательскому корпусу.

Большинство преподавателей, особенно семейные, жили за территорией Академии, да и многие одинокие предпочитали личное время проводить подальше от студентов. Но местор Альдер, на мое счастье и свое горе, жил в общежитии. Свободно проходить туда, разумеется, нельзя. Но если с черного хода, мимо прачечной и котельной, открыв универсальной отмычкой замок... Да хранят мехов ушедшие и даруют им здоровье, долголетие и побольше новых идей! Дверь к руководителю я вскрывать не стала. Судя по тоненькой линии света из комнаты, местор был у себя. Значит сам откроет. Я требовательно постучала.

– Иду, – раздалось изнутри, замок щелкнул, раздался звук, похожий на скрежет задвижки, – надо же, добавил защелку в комнату! Предусмотрительный какой! – А, это вы...

– Местор, – с порога начала я, поскольку меня прямо-таки распирало от желания высказаться. – Мне казалось, мы с вами договорились, а вы?

– А я? – иронично переспросил завкафедрой.

Издевается что ли?

– А вы заявили на меня тайной страже! Думаете, так просто от меня избавитесь? Или я не найду, что сказать? – все больше заводилась я.

Это утром я чувствовала себя преступницей, но сейчас отлично вошла в роль жертвы и выходить из нее не собиралась.

– Говорить вам действительно стоило бы поменьше, – не стал дослушивать мою пламенную речь преподаватель. – И избавиться от вас легко я уже и не надеюсь. А вот с тайной стражей, признаться, не совсем понял. С чего вы взяли, что я куда-то заявил о вашей выходке?

– С чего? – взвилась я. – А вот с этого!

И протянула ему письмо.

Чем дольше читал местор, тем выше ползли его брови.

– Нда... – руководитель вернул мне бумагу. – Вижу, вы не отказываете себе в самых разных развлечениях. Мне еще повезло, что так легко отделался.

– Какие еще развлечения? Что вы несете? Я приличная девушка! – на этом местор красноречиво усмехнулся. – Я единственный раз с вами нарушила закон, и то из-за крайней необходимости!

– Если вами заинтересовалась тайная стража, значит, я у вас не единственный, – прозвучало это, прямо скажем... – Леди, – местор тяжело вздохнул. – Неужели вы всерьез думаете, что, заяви я обо всем, вам бы прислала письмо тайная стража? Из-за банального шантажа студенткой преподавателя? Или вы считаете себя столь важной персоной, что обычную стражу даже не рассматриваете?

В голосе мужчины чувствовалась издевка, но в чем-то он

был прав. Тайная стража и обычными убийствами не занимается, только чем-то из ряда вон...

– Значит, это не вы?

– Не я, – подтвердил местор.

– А кто?

Я была настолько уверена, что это он, что теперь чувствовала себя совершенно выбитой из колеи.

– Это у вас надо спросить, кто. И, если других вопросов ко мне нет, я бы хотел продолжить работу. Вчера, знаете ли, многое не успел, – последнее с эдаким прозрачным намеком.

– Зато выпались, – буркнула я и только потом поняла, что сказала.

– Всего хорошего, – не выдержал местор и уже почти закрыл передо мной дверь. – Одну секунду, леди Риар, – остановил меня завкафедрой. – Вы уж постарайтесь, каков бы ни был исход дела, оповестить Академию. Надо же понимать, ждать ли вас на экзамены и включать ли в экзаменационные ведомости.

– Непременно, – огрызнулась я и пошла обратно.

К себе возвращалась с меньшей прытью. Из-за чего меня могли вызвать арnaudские волкодавы – так называли тайных стражей в народе за их символ-нашивку – в голову не приходило. Я не совершила ничего такого, за что меня и обычные стражи могли привлечь, не считая шантажа местора Альдера, конечно, а уж тайные...

Теперь о возвращении за учебники и речи не шло. Я рас-

хаживала по комнате, перебирая в голове события недавнего прошлого, но ничего дельного на ум не шло. У меня и среди знакомых только уважаемые люди, и в академии я старалась держаться только в кругу своих, не обращая внимания на всяких выскочек из народа. Решив, что придется второй день подряд пить снотворное-успокоительное, я легла спать глубоко за полночь.

Как-то все шло не так.

Утром я встала пораньше, хоть после настойки голова была тяжелая, а самочувствие из-за недосыпа неважным. Мне предстояло просмотреть свой гардероб, чтобы выглядеть скромно, но с достоинством. Зачем бы меня ни вызвали в отделение тайной стражи, следовало произвести правильное впечатление. А поскольку я предпочитала яркие и модные вещи, задача оказалась нетривиальной. Я долго перебирала гардероб, отмечая одну вещь за другой. Вот темное платье, спереди все хорошо, да только спина открыта, и пиджак сюда не пойдет, а подходящей к нему накидки у меня нет. Голубая блузка ничего так, но она летняя, не по сезону. Придя к выводу, что местный шкаф слишком мал и вещей у меня почти нет, я окончательно расстроилась. Вот дома у меня целая гардеробная комната, в два раза больше этой комнатки в Академии! Жаль, домой я заехать не успеваю – это надо было совсем затемно вставать. Академия магии находилась в пригороде, сейчас бы к тайной страже успеть...

Ехать пришлось в форме: темно-синяя блузка и такая же

юбка. На самом деле, форма мне даже шла, она отлично оттеняла светло-русые волосы и голубые глаза, при этом не бледнила и без того светлую кожу. Чуть-чуть подкрасилась, тронула блеском губы, подвела глаза, собрала в строгий пучок волосы – пойдет.

Тайная стража располагалась в самом обычном, ничем не примечательном четырехэтажном здании, сливающимся с окружающими его доходными домами. Я даже у извозчика переспросила: туда ли он меня привез?

– Туда, госпожа, все, как вы сказали, – мужчина нетерпеливо поглядывал на меня через плечо, ожидая, когда я наконец изволю выйти и отпущу его работать дальше.

Спустившись на землю, я прошла через единственную дверь, старую и обшарпанную, и поняла, в чем подвох. Изнутри здание выглядело иначе: дверь тяжелая, обитая железом, на окнах решетка едва ли не с мою руку толщиной, вокруг магическая защита. Теперь верю, что здесь отделение тайной стражи.

– Вам назначено? – спросил суровый страж на проходной.

– Да, – я без лишних слов протянула ему послание.

– Второй этаж, четвертый кабинет справа, – вернул мне бумагу волкодав.

Я глазами отыскала лестницу, поднялась на этаж выше и постучала в нужную дверь.

– Открыто, – раздалось изнутри.

Я прошла внутрь. Кабинет как кабинет. Мужчина за сто-

лом тоже вполне обычный, чуть старше нашего завкафедрой и не такой здоровый, как постовой на входе. Я бы даже сказала, щуплый, с тонкими и мелкими чертами лица, очень внимательным и цепким взглядом, которым он по мне, не стесняясь, прошелся. Стало не по себе. Кого другого я бы сразу одернула, чтобы не пялился, а с этим приходится терпеть.

– Элиза Риар, да? – небрежно спросил он.

– Да, это я, – столь бесцеремонное обращение начинало злить. Меня еще ни в чем не обвиняют, да и не обвинят. Поэтому уточнила: – Леди Элиза Риар.

– Садитесь, леди, – в голосе стража послышалась насмешка. Он вообще понимает, с кем говорит?

Я, поджав губы, присела и положила на колени небольшую сумочку.

– На ваши документы я для порядка взгляну.

Страж достал самопишущий артефакт, два камня к нему, один должен держать он, другой я. Проверил мои документы, покрутил их по-всякому, поднес к глазам, разве что не обнюхал. Как есть волкодав.

– Итак, леди, вы не против, если я запишу наш разговор? – страж вернул мне документы и взял камень самописца.

Я же дотрагиваться до камня не спешила.

– Сначала я бы хотела узнать, кто вы и о чем будет наш разговор.

– Я подписывал письмо, которые вы получили и наверняка прочли, раз приехали, – там точно стояла подпись с рас-

шифровкой, но я не придавала ей значения. – Капитан тайной стражи Кайнен Лесс, к вашим услугам, – все-таки представился страж. – А наш разговор пойдет о вашей семье.

– О моей семье? А что с ней? С родителями что-то случилось? Они живы? – я сразу перебирала худшие варианты.

– Живы, – подтвердил капитан. – Так вы будете отвечать на самописец?

Я схватила проклятый камень, понимая, что мне ничего нормально не скажут и не объяснят, пока не соглашусь.

– Замечательно. Леди Риар, ваши родители когда-нибудь обсуждали с вами свои дела? Говорили, чем именно они занимаются в Целительской палате? Посвящали в тонкости работы?

– Нет, я не интересовалась, – поскольку способностей к целительству у меня особо не было, смысла вникать в их работу я не видела.

– Возможно, вы находили в доме какие-то странные вещи, предметы, документы?

– Как именно я могла их найти? – я тут о родителях волнуясь, а он со своими глупыми вопросами. – Я не имею привычки копаться в чужих вещах.

– Например, когда делали уборку, – предположил страж.

– Я не делаю уборку. В доме достаточно слуг. Да и в Академии можно доплачивать за услуги уборщицы.

– Понятно, – мужчина понимающе усмехнулся. – И все же вы замечали какие-то странности? Может, слышали разго-

воры родителей о делах, работе, исследованиях, лекарствах?

– Капитан, я ни слова больше не скажу, пока вы не объясните мне, к чему все эти вопросы и что с моими родителями?

– Могу я считать, что вы отказываетесь сотрудничать со следствием?

– Это следствие отказывается сотрудничать со мной! – я положила артефакт и показательно скрестила руки на груди. – Я не видела и не слышала ничего подозрительного, не понимаю, к чему все эти вопросы?

– Вы что-нибудь слышали от родителей о драконьей чуме? – страж опустил свой камень, но допрос не прекратил.

– В детстве, конечно, как и всем, мне читали книги, потом уже в школе я изучала историю, в Академии тоже что-то о чуме изучали.

Очень мало, кажется. Или я не сильно вдавалась в подробности. Триста лет прошло, если не больше, какая может быть чума?

– Ваши родители обвиняются в пособничестве государственному изменнику, в работе над созданием новой драконьей чумы и экспериментах на людях, повлекших смерть подопытных.

Я несколько секунд в упор смотрела на человека, который, кажется, решил надо мной поиздеваться, а потом вскочила со стула.

– Вы, вообще, о чем?!

Все это не может быть про моих родителей! Тут точно ка-

кая-то ошибка.

– Сядьте, леди Риар. И постарайтесь сохранять спокойствие, – приказным тоном произнес страж. – Абсолютно все, что я сказал, – правда. И вина ваших родителей очевидна, именно поэтому они арестованы, им предъявлено несколько обвинений. Очень тяжелых и серьезных. До суда они пробудут в тюрьме, а дальше – как решит суд.

Я села, вернее, упала на стул. Бред какой-то. Голова шла кругом, перед глазами все плыло. Надо взять себя в руки, но подумать легче, чем сделать.

Стражу я не верила, здесь какая-то ошибка. Моих родителей подставили, они очень успешные целители, уверена, у них достаточно завистников. Или это просто какое-то недоумение.

Посмотрев на меня, капитан Лесс поднялся, налил в стакан воды и подал мне. Отказываться я не стала.

– Вы понимаете всю серьезность, леди? – страж крутил карандаш, ожидая, пока я переварю новости и приду в себя.

– Это ошибка, – озвучила я свою мысль. – Мои родители не могли...

– Могли или нет – решать не вам. От вас нужны ответы: известно ли вам что-то об их работе. На самописец.

Пальцы дрожали, когда я брала камень. Прохладный и гладкий, темно-бурого цвета, он постепенно нагревался в моей ладони.

– Я последние четыре года не жила дома, – голос тоже

начал дрожать, и я постаралась придать ему уверенности. – Когда приезжала домой, о работе с родителями почти не говорила. Могла спросить «как дела?» и получить в ответ «хорошо».

– А раньше, до поступления в Академию? – теперь страж крутил в руке камень, видимо, просто так, спокойно сидеть не умел.

– Тогда я еще в школе училась, и со мной точно никто ничего не обсуждал.

И все же в голове всплывали редкие образы и обрывки фраз. Нет, не о драконьей чуме, разумеется. Какие-то исследования, опыты, люди. Но мало ли к чему это было? Нет. Не верю. Мои родители – не преступники! И тем более не убийцы.

– В вашем доме произведен обыск. Мы нашли и изъяли записи, точно сделанные вашими родителями. На их рабочих местах также достаточно подтверждений не просто их участия, а руководства проектом создания чумы.

– Их заставили, – проговорила я. – Наверняка, шантажировали чем-то. Они не могли.

В глазах стража мелькнула жалость, он покачал головой и отложил камень-самописец. Я тоже хотела его отложить, но из рук, показавшихся деревянными, камень выпал, стукнулся о столешницу и покатился. Капитан ловко поймал его и вернул в специальное углубление на самописце – небольшом ящичке, из которого достал две страницы с отпечатанными

как в типографии буквами.

– Ознакомьтесь и подпишите, – протянул он мне листы.

Я глупо смотрела на бумаги, но буквы не хотели складываться в слова, смысл ускользал, перед глазами все плыло. Это какой-то бред.

– Не буду, – приняла решение я. Что бы там ни было, я ничего в этом всем не понимаю. Если дело серьезное, то могу только навредить. – У нашей семьи есть поверенный.

– Не уверен, что ваш поверенный продолжит работать с вашей семьей. Но государственного защитника обязательно предоставят. Значит, подписывать отказываетесь?

– Да.

Страж невозмутимо сделал на обратных сторонах листов пометки и убрал в папку к другим документам.

– Я должна поговорить с родителями, – слабым голосом произнесла я.

– Это возможно, но только один раз до суда.

– Хорошо.

Мне было все равно, потому что просто жизненно необходимо с ними встретиться и во всем разобраться. Я не верю, что родители виноваты. Может, они в чем-то и замешаны, но по незнанию или под принуждением. Мне нужно спросить у них – уверена, они смогут все объяснить.

Дверь в кабинет открылась, и вошел очередной страж, высокий огненно-рыжий парень, весь в веснушках. На нем странно смотрелась черная форма с шевроном – скалящим-

ся волкодавом на плече.

– Саймон, это леди Элиза Риар. Проводи ее в комнату свиданий, я отдам приказ, чтобы туда привели ее родителей, – капитан Лесс взял в руки переговорный артефакт. – Всего хорошего, леди, – кивнул он мне на прощание.

Я ничего не ответила. У меня не нашлось добрых пожеланий для этого человека.

3. Встреча

Мы пересекли длинный коридор, спустились на первый этаж и шли уже несколько минут. Здание казалось бесконечным, видимо, снаружи оно замаскировано даже сильнее, чем я вначале подумала. Целая крепость.

Рыжий страж с интересом поглядывал на меня, но ничего не говорил; только когда мы пришли к нужной комнате, любезно открыл железную дверь, насквозь пропитанную магией, и впустил внутрь.

В комнате боком к двери стоял стол и по два стула с каждой стороны.

– Садитесь слева, – кивнул на стулья мой провожатый.

Я не стала спорить, какая разница? Села на неудобный железный стул, вмонтированный в каменный пол, и приготовилась ждать, поглядывая на открытую дверь.

Первое время я побаивалась, что комнату закроют и запрут меня здесь одну. Это место навевало жутковатые ассоциации. Но дверь осталась нараспашку, а рыжий страж, Саймон, кажется, так его назвал капитан Лесс, терпеливо стоял, прислонившись к косяку. На меня он старался не смотреть, но, поскольку я следила за проходом и ждала родителей, периодически ловила на себе его взгляд.

Шаги я слышала издалека, встала и хотела выйти в коридор, но страж жестом остановил и покачал головой: нельзя.

И все же сесть на место не заставил. Поэтому, стоило папе первому зайти в комнату свиданий, я сразу кинулась ему на шею.

– Папа!

Он не обнял меня в ответ – руки скованы, как у преступника. Но он не мог! Мой папа не такой! Александр Риар всегда казался мне образцом всех лучших качеств в мужчине и в человеке. Добрый, внимательный, любящий, мудрый, он всегда был на моей стороне и никогда не отказывал в помощи, в чем бы она не заключалась.

Следом зашла мама, тоже в наручниках, но она сама бросилась ко мне.

– Девочка моя! Лиза!

Я обняла маму и расплакалась, она тоже всхлипывала, но старалась держаться. Моя мама всегда была особенной. Мария Риар, сильный маг, выдающийся целитель, красивая и умная женщина. Она и сейчас выглядела эффектно, даже в нелепой серой тюремной робе. Волосы аккуратно заплетены в косу, высокая, стройная, и никакие мешковатые брюки и рубашка этого не скроют. Мне все говорили, что красотой я пошла в мать. Жаль, таким же талантом не награждена. То есть раньше я думала, что все это ерунда, я же все-таки не дура, а особые способности в жизни не главное. Не всем же делать блестящую карьеру. А теперь почему-то решила, что очень бы хотела иметь не только выдающиеся внешние данные, но и что-то кроме них.

– Я прошу сесть на места, не вставать, не прикасаться друг к другу. У вас тридцать минут, – предупредил страж, приведший родителей.

Мы сели за стол, и комната тут же разделилась охранным барьером на две половины. В одной остались мои родители, в другой сидела на стуле я.

И только после этого сопровождавший меня рыжий вышел вместе с коллегой, и дверь за ними закрылась.

– Объясните, что произошло?

Я с надеждой смотрела на маму и папу. Сейчас они скажут, что произошло недоразумение и скоро их выпустят. Что я могу ни о чем не беспокоиться. Но почему-то с ответом они не спешили, переглядывались, будто решали, кто из них должен начать разговор.

Слово взял папа.

– Лиза, ты уже знаешь, в чем нас обвиняют?

– Да, мне наговорили чего-то ужасного. Драконья чума, эксперименты на людях, – я вздрогнула и обхватила себя руками за плечи, до сих пор переживая услышанное.

– Это все правда, – тяжело признался папа.

Я, не веря, смотрела на него, затем перевела взгляд на маму. Она кивнула и быстро стерла с глаз выступившие слезы.

– Вы... работали с драконьей чумой? – Это не укладывалось в голове. Бред какой-то. В ушах зашумело, перед глазами поплыло.

– Да. Мы не планировали никого убивать, ты не подумай.

Нам обещали, что чума не выйдет из лаборатории. А если и выйдет, то очень узконаправленно, именно этим мы и занимались. Нам нужно было сузить круг восприимчивых сначала только до людей, затем сделать так, чтобы заболеть могли только ближайшие родственники, потом – один человек. К тому же параллельно разрабатывался антидот.

– Но... зачем?

– Ты, наверное, уже не помнишь, но мы ведь не всегда жили в достатке.

Почему, помню. Но смутно. Лет до пяти я жила с родителями в небольшом старом доме, доставшемся отцу по наследству. Пусть мы и относимся к знати, не к высоким лордам из древних родов, конечно, но богатством мои бабушки и бабушки похвастаться не могли. И от это я только сильнее гордилась родителями: они сами всего добились.

Сначала меня отдали в обычную школу, и примерно тогда же у нас все пошло в гору. Мы переехали в более respectable район, в просторную квартиру, меня перевели в другую школу. Помню красивую бордовую форму в клетку, белую рубашку с воротником-стойкой, приталенный пиджак. Потом мы купили особняк в пригороде, где уже были и слуги, и небольшая конюшня. Заканчивала учиться я в престижном частном пансионе.

– Значит, все это... вы заработали...

Язык не поворачивался сказать... да они...

– Как вы могли?! – я вскочила и начала метаться вдоль

магической перегородки, заламывая руки. – Что теперь с вами будет? А как же я? Как мне теперь жить? А если вас осудят? Что тогда?

Мама тихо всхлипывала, я же не могла остановиться, не понимая, как жить дальше.

– Сядь, – попросил отец. – Сядь и успокойся.

– Да как тут успокоиться?!

И тут отец со всего маху ударил по столу закованными руками. Мама вздрогнула и прекратила плакать, я же встала как вкопанная.

– Садись, Лиза. Садись и слушай внимательно. У нас мало времени, а второго посещения до суда не будет.

– Вот и поговорим после суда, – я была зла на родителей. Как они могли?! Как они могли так со мной поступить? Все, во что я верила, оказалось ложью.

– После суда мы уже не поговорим. Нас казнят как пособников предателю и изменнику.

– Что-о-о??!?

Мне показалось, я ослышалась. Казнят? Их... убьют? Голова закружилась, ноги стали ватными.

– Но вы же говорили, что не хотели ничего плохого, что драконья чума не должна была выйти из лаборатории... – прошептала я.

– Неважно, чего мы хотели. Важно, что в итоге случилось. И да, мы предатели и изменники. Но мы хотели как лучше. Лучшей жизни для себя, а главное – для тебя. Теперь тебе

придется несладко, поэтому успокойся и слушай меня внимательно.

Я никогда не видела папу таким. Сосредоточенный, бледный, с лихорадочно блестящими глазами, под которыми залегли темные тени, морщины стали резче на осунувшемся лице. Поэтому молча вернулась на свое место напротив и вцепилась в стол, почему-то так стало легче.

– Все наше имущество конфисковано, включая дом.

– Все? – глупо переспросила я. – Совсем все? У нас больше нет ничего? Даже дома?

– Да, Лиза. Все. Но ты не виновата, поэтому имеешь право забрать свои вещи. Не все, – сразу уточнил папа. – Тебе не дадут взять украшения: фамильных у нас нет, все остальное уже должны были описать и изъять. Но если что-то найдешь – даже не пытайся. Не стоит наживать лишние проблемы. Защитить тебя, в случае чего, теперь некому.

– А Гильермо? – у меня ведь остался жених. Да, он пока не муж, но не откажется же от меня? Или... откажется?

– На Гильермо я бы не рассчитывал, – подтвердил мои мысли отец. – Но можно попробовать к нему обратиться, если будет совсем плохо.

– Куда уж хуже! – вырвалось у меня.

– Поверь, есть куда. Дальше. Что тебе необходимо взять: обычные практичные повседневные вещи, в которых ты сможешь ходить. Бери с умом, денег у тебя теперь нет, счета арестованы, и твои тоже, так как собственного источника дохода

у тебя не было, — на меня, будто град, сыпались плохие новости. Оказывается, и правда, может быть хуже. У меня нет ни дома, ни денег. — Поэтому возьми несколько самых дорогих платьев. Выбирай универсальные, со шнуровкой, которые легко подогнать по любой фигуре — их легче продать, — у меня глаза на лоб полезли, продавать платья?! — Обязательно возьми теплые вещи, они самые дорогие. Пальто, обувь. Шубы не бери, меха отнесены к предметам роскоши, их тебе все равно не дадут вынести.

— Не дадут?

— Да, скорее всего, все, что ты решишь забрать, тщательно досмотрят стражи. Поэтому лучше сразу попроси, чтобы среди стражей, которые откроют тебе дом, была женщина.

Мне стало совсем дурно. Кто-то станет копаться в моих вещах, в моем белье...

— Также ты имеешь право взять вещи первой необходимости: одеяло, подушку, пару комплектов постельного белья, минимум посуды. Бери, иначе это все тебе потом придется покупать самой.

Я только кивнула. Говорить сил не было. Обдумаю сказанное после.

— И еще. Твоя индивидуальная комната в Академии платная. Деньги ежемесячно списывали со счета. Как ты понимаешь, платить тебе теперь нечем.

Меня выселят?! И... куда я пойду? У нас и родственников-то нет. Друзья... если я на жениха не могу рассчиты-

вать, то какие тут друзья? От меня все отвернутся, как только узнают. А они узнают, и очень быстро. Ушедшие, что теперь будет...

– Доченька, соберись и послушай папу, – попросила мама. Ей самой тяжело давались слова, но она держалась.

Я смотрела на родителей. Их казнят... нет, этого быть не может. Моих родителей не убьют, это же... это же...

– Лиза, послушай меня, – ласково попросил папа, я шмыгнула носом и совершенно неприлично вытерла глаза рукавом блузки. Не до приличий теперь. Какие приличия, когда я вот-вот стану бездомной сиротой. – Пока ты студентка Академии, о жилье можно не волноваться. Да, тебя выселят из платной одноместной и переселят в обычную комнату, в которой живут по двое, а то и по трое... – Но главное – у тебя будет крыша над головой и минимальное питание в общей студенческой столовой.

По такому же общему меню, от одной мысли о котором становилось дурно.

– Это ужасно, – я качала головой, не в силах поверить, что это теперь мое будущее – многоместная комната в общежитии и студенческая столовая...

– Это нормально, множество людей так живет, а сколько живет еще хуже – ты себе представить не можешь, – сказал отец. Представить у меня действительно не получалось, но, боюсь, как бы не пришлось не только представить, но и испытать. – Главное для тебя сейчас – успешно сдать сессию.

Я нервно засмеялась. Да меня тут чуть не отчислили, а теперь я кровь из носа должна набрать проходной балл, иначе рискую оказаться на улице без медяка в кармане.

– Постарайся, ты сможешь. Лиза, посмотри на меня, – я подняла глаза, понимая, что как никогда близка к истерике. – Ты через год станешь дипломированным целителем.

И вот теперь мне стало по-настоящему смешно. Я никогда не хотела становиться целителем, у меня способностей к целительству – три единицы из пятнадцати, да это все равно что ноль! Я четыре года маялась в Академии, проходя большинство предметов мимо. Да меня ни разу не интересовала анатомия или основы алхимии, какой из меня целитель? Я собиралась получить диплом и выйти замуж! В красивом пышном платье с длинной фатой, чтобы ее несли милые детишки.

– Ты справишься, – мама приложила руку к барьеру, по нему сразу побежала рябь. – Ты должна быть сильной, Лиза. И двигаться дальше, несмотря ни на что.

– Я не смогу, – я отчетливо понимала, насколько не готова к такой жизни. – Как я без вас? Почему же вы раньше не сказали? Не сбежали?

Да все что угодно лучше, чем казнь!

– Мы не могли, Лиза, – мама смотрела в сторону, избегая прямого взгляда. – На всех сотрудников Целительской палаты тайная стража уже давно поставила специальные метки. К тому же нас держала данная клятва... Там все очень слож-

но. И если бы мы попытались сбежать, то могли поставить под удар и тебя. Мы даже из города выехать не могли, только надеялись, что наша причастность не вскрыется, но...

Мама запнулась и сглотнула.

А я не к месту вспомнила: слухи про заговор целителей, начавшиеся пару месяцев назад, последовавшее за ними смещение ректора Академии и большинства деканов, смена нашего доброго завкафедрой...

– Я не верю, что ничего нельзя сделать. Вы ведь отличные специалисты, такие всегда нужны!

– Есть вещи, которые не прощают, – отец тяжело вздохнул и ссутулился, плечи у него поникли, он опустил голову. Он ни во что не верил и ни на что не надеялся.

Мне ужасно хотелось подойти к ним, обнять, прижаться, поддержать и почувствовать поддержку самой. Я же не выдержу. Я не смогу одна. Да я и не умею толком ничего, как я без них?

– Время закончилось, – страж зашел в комнату, и перегородка, разделяющая меня с родителями, исчезла.

Они встали, я тоже. Молча подошла и обняла родителей. Кто знает, удастся ли еще вот так?

– Пожалуйста, прости нас, – шепнула мама. – И сделай все, чтобы жить дальше и стать счастливой.

Счастливой... это слово крутилось у меня в голове, когда я смотрела им вслед.

Как стать счастливой, когда вмиг теряешь все? Ни семьи,

ни денег, ни дома – ничего. Разве это вообще жизнь?

4. Учеба

Как я шла обратно по коридору из комнаты свидания – запомнила плохо. Просто механически переставляла ноги и едва не споткнулась о первую же ступеньку лестницы.

– Осторожно, леди.

Рыжий страж поймал меня, потом, присмотревшись, взял за руку, как маленькую, и практически потащил на воздух. На выходе он что-то сказал постовому, а затем мы оказались на улице, где я наконец смогла нормально дышать.

– Как вы себя чувствуете, леди? – участливо спросил страж.

Мою руку он отпускать не спешил.

– Хорошо, благодарю, – холодно ответила я, практически выдергивая пальцы. – Я свободна?

– Конечно, – немного удивленно ответил провожатый. – Вас никто не задерживает.

– Вот и прекрасно.

Я развернулась и пошла прочь, как можно дальше от этого ужасного места. Шла бесцельно, куда глаза глядят. В голове мысли сменяли одна другую, перемешиваясь в кашу. Нет, дальше так нельзя. Нужно сесть и подумать.

Поэтому я заглянула в первую попавшуюся кафешку, где умопомрачительно пахло кофе.

– Чего желаете? – ко мне тут же подскочила приветли-

вая официантка примерно моих лет, тоже около двадцати, в форменном голубом платье и белом переднике.

От мысли, что мне самой вполне возможно придется так подрабатывать, аппетит окончательно пропал, притом что утром за перебиранием нарядов позавтракать я не успела.

– Кофе со сливками и какое-нибудь пирожное, – заказала я.

Денег у меня имелось немного. Точнее, еще недавно их было много, и они отлично себе лежали в Миасском банке. Время от времени родители щедро пополняли счет, так что я себе ни в чем не отказывала. Наряды, украшения и уж тем более еда.

Сейчас счета больше не было. А наличными у меня (я достала расшитый бисером кошелек) – около пятидесяти марок. Один обед в столовой мне обходился от пятнадцати до двадцати марок. Чашка кофе и принесенное пирожное стоили пять марок.

Я задумчиво смотрела в чашку, прикидывая, как жить дальше. Училась бы хорошо – получала бы стипендию. Но об этом и мечтать глупо, да и на стипендию, если посмотреть на наших отличников, особо не разгуляешься.

Работать. Я не умею ровным счетом ничего. Конечно, я могу последовать папиному совету и продать несколько платьев, правда, пока непонятно, где их вообще продавать. Мы как-то с Гильермо гуляли по улицам и зашли в лавку старьевщика. Чего там только не было! И одежда, и безделуш-

ки, и украшения. Но не думаю, что они возьмут мои платья и много за них дадут. В любом случае, надо узнать.

Был соблазн пойти сразу к Гильермо, но что-то мне подсказывает, что жених не станет помогать. Более того, и женихом моим он останется недолго. Здесь ничего не попишешь, наш брак даже я рассматривала как выгодную партию, не питая никаких иллюзий. Перспективный молодой человек из хорошей семьи. Он мне, конечно, нравился, но не более. Его родители никак не относились к целительству и вряд ли замешаны во всем этом. И все же кольцо, не родовое, а обычное, купленное в ювелирном, поблескивало на безымянном пальчике символом помолвки, так что следовало хотя бы написать жениху. Кольцо в любом случае не верну, обойдемся как-нибудь без этих красивых и глупых жестов. Ему оно без надобности, другой невесте он вполне может и новое купить. А мне пригодится, кольцо-то как раз продать несложно. И еще парочку дорогих безделушек от него же, которые у меня точно не изымут.

У меня в Академии лежали и несколько украшений, подаренных родителями. Не самые дорогие, разумеется, устав Академии строго запрещал студентам носить что-то, не вписывающееся в рамки формы. Но их я буду продавать в последнюю очередь, и то, если совсем прижмет. Украшения – отличная память...

Руки дрогнули, и я едва не расплескала на себя кофе. Мысли о родителях рождали внутри гремучую смесь эмо-

ций: от обиды и непонимания, как они так могли, до горечи и тоски, слез и закушенной губы, чтобы не разрыдаться. Мне не хотелось думать и верить, что их казнят. Наверняка, их вина не столь уж велика, они же сами говорили, что не хотели плохого. Может, еще повезет, и смертную казнь заменят на что-нибудь? Пусть я совсем не уверена, что купирование дара и ссылка на рудники намного гуманнее.

Домой нужно наведаться как можно скорее, не откладывая, чтобы понимать, на что мне рассчитывать и что вообще осталось. Я не собиралась сдаваться, надо еще со стражами поговорить, с тем же капитаном Лессом. Вдруг что-то можно для родителей сделать? Главное – не опускать руки. А еще учиться. От мысли об учебе я невольно скривилась, надеюсь, оглядывающая небольшой зал хозяйка кофейни не примет это на свой счет, ее пирожное вполне удалось. Но готовиться к предстоящим экзаменам хотелось меньше всего, а ведь именно это сейчас для меня самое важное. Идти мне некуда, на съём даже самого дешевого жилья моих жалких пятидесяти марок не хватит. Значит, необходимо взять себя в руки и попробовать сделать почти невозможное – все выучить и сдать. А еще не давать новых поводов для отчисления.

Уверена, местор Альдер спит и видит, как от меня избавиться... Простите, местор, но вам придется потерпеть меня еще год. Я сама не рада, но деваться нам друг от друга некуда. За год я должна худо-бедно освоить целительство и найти работу. Хотя бы временную и лучше по специальности. А

после самым оптимальным вариантом будет уехать туда, где обо мне и моих родителях никто не знает, и начать новую жизнь. Вот такой план действий родился в моей голове. Это все вкусный кофе и пирожное помогли.

– Добрый день, – я подошла к немолодой, но симпатичной женщине, чуть полноватой, и это тот случай, когда полнота шла и добавляла чего-то домашнего и уютного в образ. – А что у вас еще есть вкусного навынос?

– Да что хотите заверну, – заулыбалась хозяйка. – Вот на витрине все, что есть. Вон те не смотрите, они вчерашние, с уценкой, конечно.

– Мне подойдет, – внешне вчерашнее ничем не отличалось от сегодняшнего.

Так что я набрала с собой эклеров и выпечки еще на десять марок. Купила на пять марок ароматного чая – начну заваривать. Больше из специального меню кафетерия прямо в комнату не закажешь.

Я продержусь. Что бы и кто бы там ни думал, но я продержусь. И эклеры мне в этом помогут.

Вернувшись в общежитие Академии, я с тоской оглядела комнату, в которой провела почти четыре года и которую меня через три дня попросят освободить. Не хотелось съезжать ужасно. Как представляю, что придется жить с соседкой, а может, и не одной – прямо в дрожь бросает. Никогда не стремилась сближаться с однокурсниками, особенно с теми,

кто живет в многоместных комнатах. И вот теперь, чувствую, наверстаю за все годы. С такими мыслями, обложившись эклерами, я засела за учебу.

И уже спустя несколько минут столкнулась с неминуемыми трудностями – большими пробелами в знаниях. Предыдущие годы я как-то не слишком усердствовала и теперь на каждой странице встречала по два-три незнакомых слова, которые явно относились к давно пройденному материалу и никак не расшифровывались. Сначала я пробовала выписывать их в столбик, но столбик быстро растянулся на всю страницу. Все бы ничего, но некоторые слова оказались смыслообразующими и вникнуть в суть без них не удавалось. Особенно касающиеся алхимии и зельеварения. Пусть целители проходили их на начальном уровне, если только студент не брал углубленный курс (я, само собой, не брала), но все, касающееся составления зелий, лекарств и веществ, было написано словно другим языком.

Ничего не попишешь, пришлось тащиться в библиотеку и брать алхимический справочник и основы зельеварения. Основы зельеварения сразу меня расстроили, оказавшись огромным талмудом. Вот тебе и основы. Алхимический справочник показался достаточно тонким на фоне собрата и понравился мне куда больше.

Сначала я нашла все выписанные незнакомые слова, прочитала, для верности записала их значения. Потом перечитала уже ранее прочитанное в учебнике по зооцелительству,

стало понятнее, часть я даже законспектировала.

Предмет назывался: «Основы лечения огненных животных». У обычных животных лечение идет строго по их видам. А магических в первую очередь рассматривали по принадлежности к стихии. Все так или иначе тяготели к какой-то одной, редко – двум. Исключение – химеры, там может быть все вперемешку, но их, на мое счастье, проходили на пятом курсе.

Главная особенность огненных – их возможность самовоспламеняться, как у саламандр, игуан, фениксов или церберов, или призывать огонь, тогда воспламенялось все вокруг. Здесь самые яркие представители – драконы. Драконья чума...

Учебник сразу захотелось захлопнуть, но я сделала над собой усилие и продолжила, попутно выписывая новые незнакомые слова. Часть их относилась не к принесенным ранее алхимии и зельеварению. Попадались анатомия, вирусология, хирургия, словом то, что проходят на начальных общих курсах.

Нет, перетаскать все учебники из библиотеки я не могла. И бегать туда-сюда не хотелось. Так что я взяла все имеющиеся и с увесистой стопкой направилась в обитель знаний – библиотеку.

– Элиза, – окликнули меня, стоило выйти в коридор. – Ты куда?

У стены стояло несколько девушек с нашего потока. Как

раз из тех, кто был моего круга. И сейчас этот круг с мерзкими злорадными улыбками разглядывал меня, будто изучал плесень под микроскопом на практических занятиях. И нет, мне это не кажется, просто я слегка приоткрыла эмпатические щиты, ведь если и имелась у меня сильная способность – так это никому не нужная эмпатия.

– В библиотеку, – лаконично ответила я, не собираясь задерживаться.

– И откуда такая тяга к знаниям проснулась? – это Мартина, мы с ней вроде как считались подругами. Но главное в этом предложении – словосочетание «вроде как».

Я только плечами пожала. Понятно, что новости распространяются быстро. Было горько на самом деле и очень обидно, но мнения студентов и студенток сейчас далеко не главная моя проблема. Надо просто перетерпеть, когда-нибудь им надоест и переключатся на что-то поинтереснее.

Но дать мне спокойно пройти они не собирались. Резкий порыв ветра чуть не сбил с ног, книги посыпались на пол.

– Поосторожнее с имуществом Академии, – крикнули мне, когда я присела, чтобы подобрать с пола справочники. – Не испорти. Платить-то тебе теперь нечем!

Хихиканье было до того дружным, будто они репетировали его заранее. Я молча подняла книги, поудобнее перехватила их одной рукой и щелкнула пальцами. Маленький смерч пронесся по коридору, задребезжали окна, «подружек» обдало холодной волной, прически как ветром сдуло,

многовековая пыль осела на одежде.

Это у меня по магии жизни три пункта, зато стихийная – на десятку. А уж темная магия... И мне впервые стало жаль, что я когда-то согласилась на удобное предложение родителей пойти на целительский. Дескать, учиться там несложно, не придется в любую погоду на полигоне под открытым небом заклинания отрабатывать. А уж про темную магию приличной девушке и говорить не пристало. Приличная, неприличная, а сейчас бы у меня никто и не пикнул.

На этом я быстро ушла в библиотеку. Нет, вряд ли бы кто-то решился дать мне сдачи. Просто использовать не бытовую магию в Академии вне специальных аудиторий или полигонов строго запрещено. Зачем давать лишний повод к отчислению?

В библиотеке забилась в свободный угол подальше от любопытных глаз, обложилась справочниками и продолжила изучать целительство с азов. Я честно старалась, но, по-моему, в голове вообще ничего не откладывалось. В какой-то момент информации стало настолько много, что она смешалась в кучу и раскладываться по полочкам в голове не торопилась.

Я пыталась вникнуть, разобраться, систематизировать. Но системы не выходило, разобраться в заумных терминах, почти каждый из которых мне приходилось искать в том или ином справочнике, не получалось. Когда за окном окончательно стемнело, я была близка к отчаянию: не смогу. Невоз-

можно за полтора месяца, оставшихся до начала летней сессии, выучить весь материал за четыре года. А ведь это только теория. Меня кроме всего прочего ждут и практические, с которыми еще сложнее...

Хотелось плюнуть на все, сдать обратно учебники, вернуться в комнату и не думать ни о чем плохом. В других обстоятельствах я бы так и поступила, но пока я студентка Академии, могу не волноваться о жилье и пище. Здесь и форму выдают, пусть нынешняя сшита на заказ отличным мастером под мою фигуру, и надевать стандартную, которую ученицы перешивали сами, не особо хотелось. Я ведь не умею шить, подогнать под себя вещь без ущерба для нее не смогу...

Я вообще ничего не смогу. Не выучить мне этого проклятого целительства, за какими ушедшими я только на него поступила? И как родителям помочь – ума не приложу. Лично у меня нет никаких связей, что я могу для них сделать?

– Занимаетесь? – я вздрогнула от раздавшегося совсем рядом голоса.

Сложив руки на груди, надо мной стоял местор Альдер и рассматривал каракули, которые я в задумчивости выводила карандашом на листе. Рядом закрытые сгоряча учебники. Прямо видно, как корплю над учебой.

– Да, – твердо ответила я. – Готовлюсь к экзаменам.

– Это похвально, – одобрил местор таким тоном, каким говорят «не майтесь дурыю». – Признаться, меньше всего ожидал встретить вас в библиотеке, – можно подумать, я са-

ма рада его видеть, чего, спрашивается, привязался? – И раз уж мы встретились, сообщаю, что вам начислено три штрафных балла за неакадемическое поведение.

– За что? – Я не веря своим ушам смотрела на завкафедрой, ожидая пояснений.

– На вас поступила жалоба, что вы использовали боевую магию в неподобающем месте против однокурсников.

– Вообще-то, – я встала и тоже сложила руки на груди, – однокурсники начали первыми.

– И поэтому получили по одному штрафному баллу каждая, – согласился преподаватель.

– А я, значит, три? – меня аж потряхивало от негодования. И где, спрашивается, справедливость.

– Сила воздействия была намного больше, – спокойно пояснил местор. – И какая-то ссора с подругами точно не повод применять боевую магию.

Какая-то ссора! Я хотела было ответить, но упрямо сжала челюсти. Ему только того и надо, начну возражать и пререкаться, сразу получу еще балл-другой. А когда их наберется десять, меня исключат за неподобающее поведение. Отлично, такими темпами я имею все шансы до сессии и не доучиться.

– Спасибо за предупреждение, местор Альдер, я учту на будущее, – сквозь зубы, буквально переступая через себя, выдавила ответ.

– Леди Риар, – преподаватель был убийственно спокоен

и одним этим выводил из себя. – Мой совет, конечно, не самый педагогичный, но действенный. Не попадайтесь. Если решили кому-то ответить, делайте это незаметно.

– Незаметно применить магию? – отличный совет, ничего не скажешь.

– Да, подходите ко всему с холодной головой и не давайте волю эмоциям. Или хотя бы просто с головой, и сразу почувствуете разницу.

На этом местор развернулся и ушел, а я осталась в одиночестве, в расстроенных чувствах, злая на себя и на этих «подружек». Еще вчера мне никто и слова сказать не мог, а сегодня все такие смелые.

Я взглянула на большие настенные часы – начало десятого, еще учиться и учиться. На чем я там остановилась?

5. Лекции

Утром реальность обрушилась на меня, придавив к постели, с которой до ужаса не хотелось вставать. За окном ранняя рань, но эклеры и булочки закончились, и больше есть нечего. Последние тридцать пять марок стоило поберечь на самый черный день, который непременно скоро наступит, и пойти давиться бесплатным студенческим завтраком.

В столовой, вопреки моим ожиданиям, было многолюдно. Все толкались с подносами, шумели, искали свободные столики. Я растерялась посреди этого безобразия, не привыкла к подобным условиям. В кафетерии все чинно и красиво, не то что здесь. Стоило какому-то столику освободиться, к нему сразу неслись со всех сторон, а потом отчаянно ругались, кто же успел первым поставить поднос. К такому меня жизнь не готовила.

Я осторожно пробралась к раздаточной, взяла поднос, на который тут же водрузили тарелку каши, хлеб с маслом и какао. С подносом долго кружила и лавировала по залу, но свободных столиков не нашлось, подсаживаться к кому-то не хотелось, как и отвоевывать себе место. Поэтому я устроилась на подоконнике, решив, что так даже лучше.

Несколько раз я замечала в зале тех однокурсников, для которых студенческая столовая – обычное дело. Они меня тоже замечали, шушукались и пальцем показывали. А ведь

это только начало. Поэтому я быстро и без удовольствия доела кашу, запила какао, подхватила сумку с учебниками и тетрадями и пришла в аудиторию одной из первых. Здесь мне тоже удивились, как и тому, что я села не подальше на задние ряды, как делала всегда, а устроилась на первой парте.

Однокурсники прибывали, некоторые спотыкались на пороге, заметив меня на первой парте со стопкой учебников. Да, вот так я стремлюсь к знаниям. И предмет из моих «любимых» – алхимия и зельеварение, над которыми я вчера билась. Надеюсь, не зря.

Местор Торел тоже удивленно поднял брови, увидев, кто сидит впереди на его предмете. Рядом со мной образовалось свободное пространство, садиться рядом никто не спешил, и я старалась полностью эмпатически закрыться от чужих эмоций, но сделать это не так-то легко. Я сегодня была в центре внимания. По-моему, в аудитории не осталось ни одного человека, не посмотревшего на меня. Волны чужих эмоций накатывали, и мой щит с функцией волнореза не справлялся. От напряжения начала болеть голова.

– Доброе утро, студенты, – поздоровался преподаватель и взял мел. – Приступим к занятию.

Стало, с одной стороны, легче – внимание большинства переключилось на доску. А в чем-то тяжелее: алхимия по-прежнему оставалась для меня дремучим лесом, в котором я мгновенно потерялась. Часть терминов и названий веществ была мне знакома, все-таки что-то я слышала раньше и кое-

что выучила вчера. Но название – одно, а формула и состав – совсем другое...

Я старательно все записывала, с непривычки рука быстро заныла. Нить повествования я упустила и просто переписывала с доски, стараясь записать и комментарии преподавателя. Потом снова обложусь справочниками и разберу неизвестные слова и трудные места.

К концу лекции я окончательно пришла к выводу, что с работой придется повременить, если хочу успешно сдать сессию. Или хотя бы просто сдать на минимум. И алхимия с зельеварением станут серьезным испытанием на пути к цели. А это только начало...

Продолжение вышло не менее «замечательным». После пар местора Торела шли пары основного предмета – зооцелительства, которые вел не кто-нибудь, а мой любимый завкафедрой, местор Саид Альдер. На его занятиях сесть на первые ряды я не решилась, но и на галерку забиваться не стала. Устроилась в центре, решив, что здесь не должна привлекать столько внимания.

Но стоило местору Альдеру зайти, как он первым делом отыскал меня взглядом и так нехорошо посмотрел, что я поспешила спрятаться за раскрытым учебником. Я абсолютно точно ничего не натворила с утра, ни с кем не поссорилась и магию не применяла. И вообще, веду себя как образцовая студентка.

– Сегодня мы обсудим фениксов, – без каких-либо вступ-

лений начал местор. – Какая основная проблема у фениксов, живущих в неволе? Леди Риар, вы так активно изучаете учебник, сможете ответить?

Я даже не сразу осознала, что обращаются ко мне. Сперва ощутила, как почти со звуком затрещал эмпатический щит, и только тогда выглянула из-за книги, поняв, что все опять смотрят на меня. Вот тебе и постаралась сидеть тихо и незаметно. Пришлось отложить учебник, вспоминая, какие там у фениксов в неволе проблемы. Их кормят, за ними ухаживают, у них есть жилье. Да у меня проблем и то больше, если подумать.

– В неволе они хуже накапливают энергию и им труднее дается перерождение, – вытащила я из недр памяти.

Фениксы были последней темой, которую успела вчера прочесть перед сном. И все-таки в голове что-то отложилось.

– Правильно, – в ответе преподавателя сквозило удивление. – Итак, фениксы...

Фениксов насчитывалось множество видов. Часть – крупные и плохо поддающиеся одомашниванию, а некоторые, напротив, мелкие, отлично живущие в клетке.

Болели домашние фениксы как и все: и с магией проблемы, и с памятью. Это казалось забавным. Не всегда после перерождения феникс помнил своего хозяина и полученные в прежней жизни навыки. Иногда его приходилось приручать и обучать заново.

У диких имелась своя специфика, но дикие животные не

изучались на стандартном курсе зооцелительства. Все желающие имели возможность расширить свою специализацию и проучиться еще два года сверх стандартных пяти, чтобы стать специалистами широкого профиля. Ненормальные люди.

И как бы я ни относилась к нашему завкафедрой, предмет свой он знал хорошо. Лекцию вел не сухо, как предыдущий местор Торел со своими алхимическими формулами, а разбавлял факты разными случаями из практики. Так что в какой-то момент я даже заинтересовалась и искренне заслушалась, как правильно кормить фениксов в разные периоды их жизни. А потом осторожно огляделась по сторонам и заметила, что многие девушки ничего не пишут, а сидят, подперев голову, и просто любят преподавателем. Ну да, привлекательный мужчина, ничего не скажешь. И это они еще не видели местора Альдера так близко, как я, и без рубашки...

И вот именно в этот момент лектор вновь обратил на меня внимание, резко развернувшись и пристально посмотрев. Поскольку я опять сидела в гордом одиночестве, ошибиться невозможно. Я тут же уткнулась носом в конспект, сделав вид, что усиленно записываю. Как же он почувствовал? Понятно, что местор эмпат, но на него обращено внимание всех слушателей, как можно вычленить конкретный взгляд и эмоции? Да у меня и в мыслях ничего такого не было! Разве что в воспоминаниях... А ведь Саид Альдер – выходец из Миасский империи, где, по слухам, жили невероятно силь-

ные эмпаты. Я еще раз посмотрела на расхаживающего вдоль доски преподавателя. Надо бы с ним поосторожнее.

После лекции о фениксах я планировала быстрее сбежать из аудитории, чтобы и с местором, не приведи ушедшие, не встречаться, и в столовой успеть занять столик.

– Леди Риар, задержитесь, – бесцеремонно остановил меня завкафедрой практически в дверях.

Пришлось проталкиваться обратно мимо спешащих на обед однокурсников и ждать, пока все выйдут, а местор изволит начать разговор.

– Я бы хотел уточнить, вы собираетесь продолжать учиться или нет? – огорошил вопросом преподаватель.

– А разве по тому, что я вчера до ночи сидела в библиотеке, непонятно? – обидно стало, честное слово.

– Надеюсь, вы там с пользой провели время, а не просто сидели, – видимо, вспомнил мои художества местор. – Мне, как вашему руководителю, поступила информация, что ваша комната не оплачена на следующий месяц. Интересно стало, может, вы решили нас покинуть?

– Местор, я понимаю, что вам очень хочется от меня избавиться, но у меня серьезные планы на учебу в Академии, – заявила я.

– Очень серьезные? – ну да, местор насмехался. Смейтесь-смейтесь.

– Еще какие. И я не собираюсь доставлять вам лишних проблем, поверьте.

– Значит, комнату скоро оплатите? – уточнил руководитель, стирая записи с доски.

– Нет. Перееду в бесплатную.

Рука местора Альдера замерла, а сам он начал медленно поворачиваться ко мне.

– В бесплатную? Я не ослышался?

– Нет, не ослышались, – главное, говорить, будто все нормально и так и должно быть. Подумаешь, бесплатная комната.

Местор вздохнул и в сердцах бросил тряпку на стол.

– А говорили, что не будете доставлять проблем.

– Не буду, – подтвердила я.

Судя по многозначительному взгляду преподавателя, мне не поверили.

В столовую я пришла опять поздно, свободных мест уже не осталось. Но на этот раз облюбованный мною подоконник тоже оказался занят. Может, стоит подождать окончания перерыва, опоздаю на следующую пару, зато поем спокойно.

– Элиза, а ты что здесь забыла? – это я, задумавшись, не заметила приближения однокурсников.

С другой стороны, не бегать же теперь от них?

– Пришла на обед, но вижу, что мест нет, – и уже развернулась, чтобы уйти.

– Почему нет? Наши всегда в том углу сидят, и для тебя там стул найдется, – Алекс, парень, с которым мы учились в

одной группе с первого курса, кивнул в другой конец зала. Стоящая рядом с ним рыжеволосая девушка, тоже из наших, хоть убей, не помню ее имени, закатила глаза.

– Но если продолжишь тупить и стоять столбом, то не найдется, – имя девчонки определенно стоит узнать. Она подтолкнула Алекса к тому самому углу, я же приняла волевое решение.

Завтрак показал, что в столовой проще держаться с кем-то. Я, конечно, не питала иллюзий об отношении ко мне однокурсников, но попробовать наладить общение не помешает. Главное – не поймать при этом очередные штрафные баллы за поведение.

Получив на раздаче картофельный суп, какую-то рыбу с овощами и компот, я пошла в угол, занятый четвертым курсом кафедры зооцелительства. Все-таки большинство студентов питались в общей столовой, и раз все живы, значит, здесь вполне съедобно. А то утренний завтрак, комом упавший в желудок, заставил задуматься о пользе оздоровительного голодания.

– Приятного аппетита, – я подошла к двум сдвинутым столам и снова оказалась объектом всеобщего внимания. Разговоры смолкли, остались только короткие перешептывания.

Свободный стул действительно нашелся, на него я и села, поставила поднос, положила салфетку на колени.

– Риар, ты нас прямо пугаешь.

О, а вот эту я знаю: Вея, наша главная отличница, кото-

рая в шаблоны не вписывалась и была отнюдь не забитой тихоней, дающей всем списывать, как полагалось отличникам. Напротив, эта за словом в карман не лезла, а за конспектами к ней давно никто и не пытался подходить.

– Может, завтра снег выпадет или вообще конец света наступит? Как же ты дошла до общей студенческой столовой?

– Ты удивишься, – мило улыбнулась я. – Но дошла я ногами.

– И на завтраке мы тебя здесь видели, – не унималась отличница.

– Еще и на ужине увидите, – пообещала я.

Главное, чтобы меня с ней в одной комнате не поселили, а то и правда наступит конец света. Локальный, в пределах студенческого общежития, но вполне себе реальный.

– А как же твои подружки? Вы же не разлей вода всегда ходили, даже в туалете всей стайкой носики пудрили.

– От стайки я отбилась, – поморщилась, понимая, что суп почти не соленый, а солонки на столе не наблюдается. Надо бы обзавестись своей.

– Значит, это правда? – подключилась к разговору другая однокурсница, Дюрен, кажется. Надо как-то добыть список студентов кафедры и выучить кто есть кто. – Вы поссорились?

– Можно и так сказать, – понятно, что все со временем узнают, почему мы «поссорились», но сама я рассказывать не собиралась. Пусть думают, что хотят.

– И ты даже запустила в них настоящим смерчем? – продолжились расспросы.

– Не настоящим, конечно, так, небольшой воздушный вихрь.

Я рискнула приоткрыть эмпатические щиты (невозможно постоянно держать их наглухо закрытыми, никаких сил не хватит), и с удивлением обнаружила, что настроены ко мне в основном нормально. Настороженно, с любопытством, но достаточно нейтрально. Негатив был, но меньше, чем я ожидала. Правда, здесь все эмпаты и закрывать или сглаживать эмоции умели неплохо. Но все же я ждала куда худшего.

– Они такие потрепанные и злые к завкафедрой шли, – хихикнула невысокая темненькая девушка, тоже знакомая мне только на лицо. – Мы даже не поверили, когда они сказали, что это все ты.

– За что же ты их так? – Алекс, явно довольный, что коллектив принял меня нормально и ему не прилетит за приглашение, тоже поддержал разговор.

– Не сошлись характерами, – и здесь я объясняться не планировала.

– Тогда мы постараемся тебя не злить, – усмехнулся однокурсник.

Дальше самые языкастые отвесили пару шуточек по поводу того, как сложно учиться с такими боевыми девушками и как вообще девушки опасны в гневе. Парни, если что, кулаки в ход пускают, а девчонки сразу магией бьют. Пришли к

выводу, что жен следует брать из неодаренных, убойная сила старой доброй сковородки или скалки не столь велика, как того же воздушного вихря.

И все-таки обед прошел нормально, на меня косились, порой с откровенным неодобрением, но вслух ничего не говорили.

«Привыкнут», – решила я.

И сама тоже привыкну. И к столовой с ее пресной, почти безвкусной едой, и к новой компании. Куда мне деваться?

6. Дом

После лекций я снова поехала в отделение тайной стражи. За поездку отдала пять марок. Кошмар. Раньше я бы этих трат и не заметила. И экипаж выбрала бы посолиднее, а не какую-то колымагу, которая скрипела всеми четырьмя колесами всю дорогу и только больше расшатывала нервы. Да, круто изменилась моя жизнь за пару дней.

На проходной сказала, что иду к капитану Лессу по делу семьи Риар. Пропустили без вопросов. Я так поняла, попасть внутрь отделения – не так уж сложно, а вот наружу, судя по очереди на выход, много медленнее и труднее.

– Добрый день, – я постучала и тут же вошла, не дожидаясь приглашения.

– Леди Риар? – капитан Лесс оторвался от документов и поднял на меня удивленный взгляд. – Вы что-то вспомнили?

– Ничего для вас интересного. Я хочу съездить домой и забрать свои вещи.

– А-а-а... – разочарованно протянул страж.

– И мне нужна женщина в сопровождение.

– Найдем, – кивнул капитан, – подождите снаружи.

Минут через десять, когда я уже устала ждать и хотела снова зайти в кабинет, ко мне подошла женщина-страж, достаточно молодая, высокая, худощавая, с ежиком темных волос, в брючной форме, кроем ничем не отличающимся от

мужского. Впрочем, логично. Страж в юбке смотрелся бы странно.

– Элиза Риар? – уточнила она. Я вежливо улыбнулась и шагнула навстречу, решив попробовать произвести хорошее впечатление. – Идемте.

Ужасно жаль, что родителей я увидеть не смогу. Что за несправедливость – всего одно посещение от одного человека? Так хотелось бы с ними поговорить, рассказать, как я взялась за учебу, спросить совета...

Я закусила губу. Сейчас не стоит мечтать о несбыточном. Может, поездка домой даст мне какие-то зацепки – вот о чем стоит думать.

У обращения к тайным стражам имелся один весомый плюс: их собственные экипажи, которые с ветерком домчали нас до моего дома. И только подъехав, я, кажется, впервые осознала, насколько все серьезно.

Дом был накрыт магическим куполом, я бы туда сама при всем желании не прошла. Не то чтобы у нас было какое-то большое поместье или усадьба, скорее небольшой загородный особняк с прилегающим садом. Но поднять над таким защиту от проникновения... стражи не стесняются в средствах и использовании магии.

Женщина сняла перчатку, достала из кармана небольшой прямоугольный артефакт-пластину на цепочке, накрутила ее на запястье и взяла меня за руку так, чтобы артефакт оказался зажат нашими ладонями. И мы миновали защитный ку-

пол. Замечательно, значит, и выходить будем так же. На то, чтобы что-то вынести и припрятать, а потом забрать, можно и не надеяться. Впрочем, я не особо надеялась — за последние пару дней моя вера в лучшее пошла трещинами.

Дом уже снаружи выглядел безжизненным и покинутым. Шторы наглухо закрыты, свет не горит, в сгущающихся сумерках — а темнело сейчас рано — он выглядел мрачным и чужим. Справедливости ради, он и был чужим, пусть формально и оставался пока собственностью моей семьи. Каков бы ни был приговор, имущество пустят с молотка. И хоть бы пострадало только оно...

Внутри все обстояло хуже, куда хуже. Не знаю, чего я ожидала, наверное, просто не задавалась вопросом, как выглядит помещение после обыска. Думаю, после банды грабителей остался бы меньший погром. Тайная стража не церемонилась, вываливая вещи из шкафов и комодов. Разве теперь здесь что-то найдешь? И ведь претензии не предъявишь, не скажешь же молчаливой и суровой спутнице, что ее коллеги могли бы проводить обыск и поаккуратнее или хотя бы убрать за собой. Ничего не разбили и не сломали — уже хорошо.

Честно говоря, я рассчитывала, что стражница останется внизу, а я смогу подняться в жилые комнаты, спокойно осмотреться и взять все необходимое. Не тут-то было. Женщина, как в броню закованная в форму черного цвета с нашитым арнаудским волкодавом на плече, следовала за мной

по пятам и на просьбу подождать где-нибудь ответила категоричным отказом.

Мы вместе поднялись в мою комнату, и она встала у окна вполоборота, чтобы не смотреть в открытую, а вроде бы любоваться видами, но в то же время контролировать, что именно я собираюсь взять. Вдруг волкодавы до нее что-то упустили, и я собираюсь вынести в декольте какую-то важную улику. Конечно, последнее я додумала, это всего лишь ее работа. И уверена, я не первая девушка, которую ей выпало сопровождать за вещами.

Моя комната не была перевернута и разворочена, чувствовалось, что вещи просматривали, но без пристрастия. Я открыла дверь гардеробной, понимая, что большую часть одежды придется оставить. Самое необходимое – так сказал папа. Знать бы еще, что действительно понадобится, а без чего я вполне обойдусь.

Платьев, которые можно продать, у меня хоть отбавляй, большинство висело на плечиках еще с бирками в фирменных чехлах. Я любила пройтись по магазинам, купить что-нибудь этакое или заказать нашей с мамой портной. Носить вещи мне особо некуда – в Академии форма, а из Академии я надолго могла выбраться только два раза в год – на каникулы. Очень редко – на выходные. Вещи я свернула, чтобы сильно не измялись, и сложила в выданную сумку, не распаковывая из чехлов. Зачем расстраиваться? Повседневную одежду, которая когда-нибудь придет на смену форме, выби-

рала сначала придиричиво, потом начала кидать все подряд. Та же история с обувью.

Вещей набралось прилично, надо бы немного остепениться. А то подушки с одеялами и домашней утварью будет некуда класть.

Я вышла из гардеробной и огляделась. Моя комната. Куклы пьют чай в игрушечном домике. Покрывало на кровати, лично выбранное мной, когда после пансиона обновляли детскую. Куча подушек, которые все равно оказывались к утру на полу. Вот портреты: я еще маленькая, этот в школе, второй, где форма в клетку, следующий – с родителями на последнем году учебы в пансионе. На полке небольшой свежий портрет, сделанный на последних зимних каникулах, не совсем портрет, оттиск, как объяснили мехи. Сначала на металлической пластинке, а потом переносится на бумагу. Получается довольно блекло, но мехи – мастера на все руки – раскрашивают чернилами. Вышло... интересно.

Я огляделась вокруг. Моя комната. Мой дом. Моя семья. И впервые я по-настоящему осознала, что именно теряю. Я села на пол, плевать, что не одна, закрыла лицо руками и разрыдалась. В голос, почти до истерики. Или не почти. Пыталась успокоиться, взять себя в руки, но не выходило. Слезы лились, и ничего поделать с ними не могла.

Когда я кое-как успокоилась, то еще раз взглянула на выданный объемный мешок. Больше вынести нельзя, количество вещей не ограничено штуками, можно набрать много

мелочей. Пусть папа говорил про подушки, одеяла, постельное белье, посуду – ерунда это все. Можно научиться спать без подушек или купить другие, а портреты точно новые нигде не возьмешь. Как и свадебное платье: мама третья после бабушки и прабабушки выходила в нем замуж. Я все смеялась и говорила, что в таком устаревшем наряде только на карнавал, а сейчас точно бы предпочла его всем новомодным и самым шикарным. Не уверена, правда, что оно мне пригодится, но возьму.

Взяла куклу, любимую, старую, затасканную и заигранную. Она так выделялась на фоне новеньких, которые я когда-то коллекционировала. Мы в те годы жили небогато, и мне ее подарила бабушка на пятилетие. Тогда я ходила и хвасталась ею перед подругами: фарфоровое личико, красивое голубое платьице с кружевами, чулочки, туфельки. Ни у кого из местных девчонок, включая меня, не водилось подобной одежды. Уже потом у меня появилось множество других игрушек, и куклы куда шикарнее и искуснее сделанные, и свои платья с чулочками и туфельками. Но эта так и осталась особенной. Примерно через год после моего пятого дня рождения бабушка умерла, других подарков и ярких воспоминаний, связанных с ней, у меня не осталось. Пусть будет хотя бы это.

Я вышла из комнаты, стражница молчаливой тенью последовала за мной. Вот папин кабинет, дверь открыта, и я заглянула внутрь: стопки бумаг и книг везде: на столе, на полу, на

креслах. Вот где проходил самый тщательный обыск. Даже не знаю, зачем я сюда зашла, лучше бы не видеть всего этого, честно. Но отвернуться и просто выйти уже не получается. Где искать зацепки, если не в рабочем кабинете? Совершенно бесцельно я обошла кабинет и остановилась у стола, заваленного бумагами. Наверху папка, судя по названию, там документы на наш старый, самый первый дом. И такая взяла ностальгия, ведь неплохо жили, если подумать. Мама тогда еще готовила, это потом ей стало совсем некогда, она вечно пропадала на работе, вся в своих исследованиях. Папа тоже не засиживался в лаборатории допоздна, а приходил ровно к ужину, успевал со мной поиграть, поговорить, почитать.

Потом мы, конечно, переехали в место куда лучше, но с тех пор я начала проводить все время в школе, меня забирали оттуда поздно вечером, и времени на игры или чтение не оставалось. А пансион и подавно был с проживанием, я тогда родителей видела только по выходным, и то не каждый раз.

Стоили ли несколько лет богатой жизни потери всего? И главное – когда именно мы все потеряли? Сейчас или намного раньше?

Я зажгла магический огонек и открыла картонную обложку, сразу наткнувшись на счета. Расписки, вексели, закладные... Что-то выписано еще на имя деда – папиного отца. Вереницы цифр кружили хороводы и уводили меня все дальше в дебри бухгалтерии и смутного осознания, что у моей семьи имелись, мягко говоря, значительные долги...

– Леди, вы собираетесь брать что-то еще? – выдернула меня из весьма странных мыслей стражница.

– Да, – я спешно закрыла папку и завязала тесемку на краях. – Могу я забрать вот эти документы?

А то мало ли...

– Их не забрали стражи, – значит, можете, – похоже, ей уже все равно, лишь бы уйти побыстрее. Мой визит домой, и правда, затянулся.

Буквально на ходу схватила папину перьевую ручку и чернильницу, он был очень требователен к своим «орудиям труда», а записи являлись весомой частью его работы. Вдруг их отпустят, и я смогу вернуть им какие-нибудь вещи?

Из родительской спальни взяла флакон маминых духов, ее любимый аромат, свежий-свежий травяной запах с легкими цветочными нотками давно впитался в одежду. Сейчас для них холодно, они слишком летние, но я не удержалась и брызнула себе на руку, а потом долго нюхала запястье.

С этими вещами стало как-то проще. Из дома я возвращалась без подушек и одеял, набрав кучу на первый взгляд ненужных вещей, зато с новыми силами. Пусть учиться мне по-прежнему не хотелось, целительство не вызывало никакого энтузиазма, а алхимия и зельеварение и подавно ввергали в уныние, но завтра у нас по расписанию практические занятия, ничего не поделаешь, придется готовиться.

Папку с документами я временно отложила, все равно толком не разберусь в бумагах. Но идея, что стоит встретиться с

поверенным и попробовать с ним хотя бы поговорить, крепла во мне все сильнее.

7. Практика

Утром, взяв завтрак, я сразу направилась с подносом в угол к «своим». Свои встретили меня спокойно, поинтересовавшись, почему пропустила вчера ужин. Я многозначительно сослалась на дела. А на самом деле банально забыла, что ужин у меня теперь строго по расписанию, и если пропустила – останусь голодной. Это из кафетерия можно заказывать хоть до полуночи, а в столовой не успел до восьми вечера – жди завтрак. Так что я с небывалым аппетитом ела глазунью с томатами. Как бы не поправиться, а то не влезу в свои платья или форму, а покупать новое не на что.

Практикум по алхимии и зельеварению встретил меня разнокалиберными склянками. О назначении некоторых я смутно догадывалась, а о парочке странных шаров с изогнутыми трубками даже представления не имела. Раньше я не особо старалась на лабораторных занятиях, знала, что свой минимальный балл получу, а большего и не надо. Теперь и до него надо дотянуть.

Сегодняшний практикум был посвящен растворению твердых тел. Например, ушла глубоко заноза, вытащить ее, не повредив ткани, сложно, а ты взял, плеснул на ранку зелье – деревяшка и растворилась, не причинив вреда пострадавшему. Или разный мусор в загрязненной ране – самое оно, шипучка так не промоет. Конечно, можно и магией выле-

чить, но магия конечна и целитель не всемогущ. Да и зачем тратить магию на то, что можно сделать с помощью подручной аптечки? Именно так рассуждал преподаватель, раздавая нам ингредиенты. Ему, надо полагать, виднее.

Главное – правильно приготовить, тогда на живую ткань зелье не реагирует. Нужно быстро очистить рану, чтобы приступить к следующим манипуляциям, и вот целитель плеснул волшебного зелья...

На словах звучало неплохо, а на деле...

Все, что я умею варить: чай, кофе, какао. В пансионе нас еще учили варить гречку и овсянку – для кожи и фигуры, говорят, полезно. Безусловно, за время учебы мне случалось варить и зелья. Преподаватели, понимая, что ни с чем серьезным я не справлюсь, обычно давали мне самые простенькие задания. Например, делать вещества из заготовок. Когда перед тобой лежат готовые и уже отмеренные ингредиенты, и остается засыпать их в нужной последовательности – это я могу. И то, под присмотром опытных лаборантов, помощников профессора.

Я огляделась. Каждый встал к своему столу, специально подготовленные лаборанты ушли к кучке девушек, среди которых раньше стояла и я. Теперь же придется все вымерять и готовить самой, понять бы еще, как это делается.

Перед нами лежал лист с заданием, на нем рецепт с описанием, как проходит каждый этап, когда пенится, когда цвет меняется. Вроде бы, все понятно. Справлюсь.

Однокурсники живо взялись за приготовление, словно действительно вознамерились чью-то жизнь спасти. Будто вот он лежит, несчастный зверь, израненный, истекающий кровью, надо срочно исцелять. Я же медленно на воздушных весах измеряла порции, дробила, перетирала, нарезала, нагревала или охлаждала. У людей вокруг уже зелье в котелках пенилось, а я только с ингредиентами разобралась. Так, что у нас там первое?

От волнения у меня даже пальцы дрожали, осторожно, один за другим, подсыпала и подливала нужное в котелок. Народ принялся пробовать свои зелья на разных предметах, проверяя, что оно растворяет, а что не трогает. Преподаватель, местор Торел, одобрительно кивал и отпускал на обед одного за другим. Ничего себе! Это мы все утро провозились? Да даже я магией уже вылечила бы пару десятков больных, пока все это готовится! И смысл в этом мучении? Только время терять. Я вообще, между прочим, на целительском, а не на факультете алхимии учусь. Пусть алхимики все готовят, им за это деньги платят, а целители могут уже готовые зелья покупать, если очень хочется.

Закусив губу, я помешивала варево в котелке, пахло оно тоже не особо приятно, не розами, прямо скажем. Но аппетит мой от этого не ухудшился, и на обед очень хотелось.

Кажется, все. Я сверилась с рецептом, посмотрела на жижу в котелке – вполне похоже. А хороший запах здесь никто и не обещал.

– Местор Торел, я все! – радостно подняла руку и улыбнулась преподавателю.

Впервые что-то делаю полностью сама.

– Сейчас подойду, леди Риар, – кивнул местор и отвернулся к другому ученику.

Я же собиралась, наконец, присесть на стул, делать все пришлось стоя, а я на каблуках, как...

Мой котелок упал. Я его не трогала, резких движений не делала, но жидкость выплеснулась и потекла по полу.

Я вскрикнула и заозиралась в поисках тряпки, а потом закричала в голос: на меня тоже попало, и еще как. Пятна на блузке расплзались и разъедали ткань. И если бы только ткань: кожа буквально горела. Юбка широкая и соприкасалась с телом на поясе, впрочем, до него недалеко – подола уже не было. Я судорожно пыталась сделать хоть что-нибудь, но только крутилась волчком на месте. Слава ушедшим, на мой крик прибежал преподаватель и лаборант, не знаю, что за заклинание они применили, но одежда расплзаться перестала, правда, от нее остались одни лохмотья. Юбка до середины бедра, от блузы одно название. А еще красные пятна на теле продолжали болеть и жечь, кожа на них воспалилась и припухла. Видимо, в рецепте я что-то все-таки напутала.

Прикрываясь руками, я села на корточки, чтобы немного скрыть ноги в одних чулках. Какой кошмар! Хорошо, что большая часть однокурсников уже ушла, правда, не сомневаюсь, что оставшиеся в красках опишут остальным произо-

шедшее.

– В лаборантскую, живо! – скомандовал местор, накидывая на меня свой халат.

Ох, и влетит же мне сейчас... только бы завкафедрой не узнал...

Халат был не то чтобы длинный, но всяко длиннее моей нынешней юбки. Так быстро я не бегала даже по полигону, лишь за спасительной дверью небольшой комнаты смогла выдохнуть. И подумать.

Кто-то столкнул на меня котелок с зельем. На мое счастье, зелье даже в моем исполнении оказалось не слишком опасным, красные пятна, надеюсь, быстро заживут. А если бы мы варили что-то действительно серьезное? Жаль, что я толком не посмотрела, кто именно остался в аудитории, пусть и догадывалась, что все это дело рук моих бывших подружек. Значит, это война. Им повезло, что в полуголом виде особо не повоюешь, иначе я бы давно вышла. С другой стороны, не факт еще, кому повезло больше: у меня уже три штрафных балла. И как бы не прибавилось сверху за нарушение техники безопасности в лаборатории.

Местор пришел минут через пятнадцать, приняв задание у остальных и отпустив всех на обед.

– Как вы?

Местор Торел был немолодой мужчина, крайне худой, если не сказать тощий, и слишком длинный, весь какой-то нескладный. Брюки у него всегда чуть коротковаты и общий

вид у преподавателя забавный. Вот и сейчас он очень хотел казаться строгим, но выглядел скорее озабоченным и расстроенным.

– Нормально, но одежда... – тут я вздохнула.

Комплектов формы у меня два. Было. Остался один.

– А сами как?

Преподаватель старался не смотреть на мои слишком открытые ноги. Я же решила не стесняться и не пытаться натянуть халат пониже. Может, на экзамене зачтется?

– Какие-то ожоги остались, – но распахивать халатик и демонстрировать покраснения под блузкой не собиралась, это уже слишком. – Не все так страшно, и уже почти не болит.

– Вам обязательно нужно в лазарет, – убеждал преподаватель. – Я предупрежу местора Альдера...

– А вот этого не надо! – поспешила остановить алхимика, а то пошлет местору вестника, потом и перед ним объясняйся.

И этого, боюсь, голыми ногами не прошибешь.

– Почему? Вам необходимо освобождение от занятий и день отдыха.

– Спасибо, но нет.

К тому же впереди пары того самого местора Альдера, их прогуливать – собственноручно рыть себе могилу.

– Как же вы так неосторожно, а? – снова принялся вздыхать преподаватель.

– Зато действие зелья проверила, – мило улыбнулась я.

– У вас концентрация траволлистника получилась слишком высокая, от этого при попадании на кожу остались небольшие ожоги, – пояснил местор. – Есть подруги, которые могут принести одежду?

При мысли о подругах я чуть не скривилась, едва не испортив образ милой девушки. Осталось их только в мою личную комнату запустить. Не дождутся. Надо бы новыми друзьями как-то обзавестись... хотя бы для таких вот целей.

– Я бы не хотела никого утруждать, – и скромно потупила взор.

– Кхем... – преподаватель кашлянул в кулак, стараясь скрыть смущение. – Но вы же не можете выйти... так.

Это верно, подобное дефиле, конечно, оценят, но не уверена, что я продолжу после этого учебу в Академии.

– Не могли бы вы послать кого-нибудь из своих лаборантов в студенческую прачечную за моими вещами?

Слава ушедшим, я не успела за всеми делами забрать оттуда второй комплект формы. Надеюсь, его мне донесут в целости и сохранности.

Местор любезно согласился, предложив подождать в лаборантской, напоив чаем с печеньем, от которого я не стала отказываться: пообедать теперь точно не успею. А заодно преподаватель по моей просьбе продемонстрировал все склянки-стекляшки и рассказал, что для чего используется. Оказывается, он неплохо рассказывает, жаль, что раньше я его не слушала. И через двадцать минут в дверь постучали,

потом в приоткрывшейся щелке появилась рука с комплектом формы.

– Переодевайтесь, леди.

Кажется, местор Торел облегченно выдохнул, все наше общение мужчина доблестно отводил взгляд, но нет-нет да косился на мои ноги.

Переодевалась я спешно, тут бы не то что на обед, на практикум по зооцелительству успеть.

Пришла почти последняя, местор вошел буквально за мной.

Зооцелительство сегодня проходило в зоосаду Академии, мы должны были закрепить тему фениксов, о которых я вчера очень хотела почитать, но хватило меня только на повторение алхимии. Учиться в таком темпе с непривычки сложно. Особенно без ужина. А теперь еще и без обеда.

Фениксы выглядели весьма упитанными, размером с хорошую курицу. Интересно, если они вспыхнут, но не сгорят, будет считаться, что они приготовлены на огне? Я сглотнула. Больше перед практикумами обеда не пропускаю.

8. Феникс

Будто почувствовав мои мысли, ближайший феникс повернулся и пристально посмотрел на меня, по-птичьи склонив голову набок. Я на всякий случай отошла подальше, фениксы весьма разумны, у них отличное эмпатическое восприятие, вот сколько теперь о них знаю! Еще и про большой магический резерв вспомнилось, кажется, среди птиц магии больше только у руххов, но это дикие существа, в стандартную программу не включенные.

Я стояла с краю студенческой группы, пытаюсь не отвешивать и не привлекать внимание. Да какое там!

– Риар, – один однокурсник с улыбкой до ушей смотрел на меня, – мы, говорят, многое пропустили на алхимии. Я даже жалею, что сдал задание одним из первых и ушел так рано. Знал бы, что у нас в программе бесплатный стриптиз, повозился с зельем подольше.

Дружный хохот привлек внимание не только встрепенувшихся фениксов, но и завкафедрой, который смотрел на меня весьма недобро.

– Тишина в зверинце, – обрубил смех студентов местор. – Леди Риар, задержитесь после практики, которая, надеюсь, пройдет у нас без эксцессов.

Я внимательно посмотрела на самого смелого и наглого парня, хорошенько его запоминая.

– Задание на практику: наладить контакт с фениксом, определить пол, подвид, провести диагностику, определить возраст и примерную дату следующего перерождения. Все записать на бумаге и сдать мне. Помнить про технику безопасности при работе с опасными существами. Первые идут. Джофил, Янг, Майрус, Унгиф, Кэрфил.

Все наши отличники, в том числе тот парень, Янг, так не вовремя решивший пошутить про урок алхимии, Вея Майрус, Алекс Кэрфил, с которым мы учились в одной группе с первого курса, остальных я знала чисто символически. Студентов было по числу фениксов.

Они быстро и четко, буквально минут за десять-пятнадцать, справились с заданием, сдали листки и вышли из зверинца. Янг, выходя, задержался в дверях и подмигнул мне. Нахал!

Затем назвали следующую пятерку. Всего нас тридцать человек, уверена, я пойду в числе последних, так что устроилась на массивном валуне, достала учебник, вчерашние конспекты и начала повторять материал про фениксов. Сидеть было не очень удобно, все-таки зоосад создавался для животных, повторяя их естественный ареал обитания. Об удобстве людей здесь никто не думал. Но мне не до комфорта, я должна доказать местору Альдеру, что способна учиться. А то представляю, какая картина у него в голове нарисовалась.

Самое простое – определить пол и подвид, так как четкое описание внешних признаков в учебнике имелось. Инфор-

мация, как узнать возраст и рассчитать срок жизни, а соответственно и время перерождения, также присутствовала. А вот диагностика... Диагностику проходили много раньше, на первом и втором общем курсе. Надо ли говорить, что я всяма смутно представляла, как ее провести?

– Что, Элиза, занимаешься? – я стиснула зубы, решив во что бы то ни стало не поддаваться на провокации. А еще заметила на моих «подруженьках» защитные амулеты. Сделали выводы из нашей прошлой встречи, молодцы.

– Ты осторожнее с фениксом, а то еще спалит тебе одежду, в чем будешь ходить?

И вот тут я подняла голову, отыскав взглядом Мартину. А ведь у нее неплохо с телекинезом, она вполне могла опрокинуть на меня котелок.

– Смотри, как бы тебе хвост не подпалило, – на моих пальцах заиграло пламя, однокурсницы ощутимо напряглись.

– Риар, что за игры с огнем? – окрикнул местор. Он сычом наблюдал за всеми сразу, и, кажется, был ой как недоволен.

– Не играй с огнем, Элиза, – шепнула на прощание Оливия, дочь одной «шишки» из королевского совета. Абсолютная бездарность, учащаяся в Академии только благодаря папочке. Нет, я однозначно не такая.

После этих выскочек сосредоточиться на учебе было в разы сложнее, но все же я по описанию определила пол и подвид трех фениксов из пяти к тому моменту, как подошла моя очередь. В последней пятерке, разумеется.

Поскольку фениксы сидели в рядок и мы подходили к ним в том порядке, в котором назывались фамилии, я истово молилась ушедшим, чтобы мне достался один из троих. Но то ли ушедшие были слишком далеко, то ли я давненько не посещала храм, но моя фамилия прозвучала последней, и феникс мне достался какой-то странный. Его описания в учебнике точно не было, я прочла всю главу. Уверена, местор сделал это специально!

Ничего не попишешь, не скажешь же: поменяйте мне феникса, этого нет в учебнике. Пришлось подходить, вставать напротив подставки, на которой гордо восседала птица, поглядывая на меня свысока. В довершение всего, это оказался тот самый, заметивший мой гастрономический интерес в начале практики. Удача мне, гляжу, сопутствует везде.

– Привет, – поздоровалась я.

Феникс поднял клюв и закатил глаза, меня обдало волной недовольства.

– То есть добрый день.

Пернатый снисходительно кивнул, ты смотри, какая нелюбовь к панибратству!

– Мне надо тебя как-то изучить, а я понятия не имею, как, – пожаловалась я. Феникс щелкнул клювом. – На меня столько всего навалилось: родителей арестовали, имущество отобрали, последние дни в отдельной комнате живу. А еще бывшие подруги меня задирают, а я им даже ответить не могу. Мне и так из-за них три штрафных балла дали, представ-

ляешь?

Феникс не представлял, да и явно мог ответить кому угодно, находясь под защитой Академии.

– Тебе хорошо, ты вон какой красавец, большой, грозный, сильный. Уверена, тебя тут все уважают, – феникс, и правда, был самый крупный из присутствующих. И магический резерв у него тоже приличный, даже по человеческим меркам. А еще слушал меня с нескрываемым удовольствием. – А хочешь, – тихонько предложила я, – дам тебе вкусняшку?

У меня в сумке завалялся кусок эклера, я его только сейчас, пока конспекты с учебником доставала, нашла. Сама есть не стала: все-таки не первый день лежит, зачерствел. Но выбрасывать благоразумно не спешила, а достала и на ладони предложила угощение птице.

Феникс каждым глазом по очереди осмотрел угощение, понюхал и быстро склюнул, а потом гортанно заклокотал. Еще бы, я и сама от эклера бы не отказалась, только свежего, с нежнейшим кремом и тончайшим тестом, проминающимся под пальцами. Пернатый склонился надо мной и внимательно осмотрел: он явно улавливал мои мысли, и они ему нравились. Эклеры пришлись огненному по душе.

– Если сможешь мне помочь, я тебе еще принесу, честно, – заговорщицки шепнула я. – Как мне определить хотя бы твой возраст?

Он определялся по магическому уровню – нужно вычислить предельный для данного подвида и диагностировать,

насколько он заполнен в данный момент. Как только магия у феникса достигает своего максимума, что происходит к концу жизни, то прорывается наружу огнем. К этому моменту птицу стоит изолировать, прецеденты случались всякие, магический огонь сложно потушить, а уж ожоги от него и по-прежнему лечатся тяжело.

У этого магия была сильной, но, кажется, до максимума ему далеко. Если бы знать точно его подвид...

Я дотронулась до крыла, чтобы лучше почувствовать птицу, от идущих тепла и силы стало уютно, а на душе спокойно. Наконец-то неприятный инцидент на алхимии и его продолжение здесь отпустили, перестав разъедать изнутри горечью обиды. Я сама не заметила, как эмпатически потянулась к фениксу. Это похоже на огонь в камине, когда протягиваешь озябшие на морозе пальцы и ловишь в ответ мягкое тепло. Как солнечный луч, пробившийся сквозь тучи в серый дождливый день.

— Какой же ты замечательный, — я нежно погладила крыло, потом, осмелев, провела пальцами по спине.

Феникс закурыкал и подставил голову, будто кот, предлагая себя погладить и почесать.

Да, задание я, кажется, не выполню. Ну и ладно, зато отлично проведу время.

Пернатый тут же поднял на меня взгляд, совсем не птичий, а вполне осознанный. И мне показалось, что между нами будто протянулась золотая нить. Боясь моргнуть, что-

бы ненароком не сбить наметившуюся связь, я сбросила все ментальные щиты, полностью открывшись.

И в голове появились четкие образы, быстро сменяющие друг друга. Вот к нему подходит Алекс, долго осматривает и изучает, а затем довольно хмыкает и записывает что-то на прикрепленном к планшету листе.

И в этот момент феникс в своих воспоминаниях опускает взгляд.

Я будто из воды вынырнула и не могла отдышаться. Но перед глазами стоял исписанный лист со всеми данными. Ну надо же! Да он смесок! У него папа – феникс крупной породы вильгельмин, а мама – относительно небольшая, зато ярко окрашенная фазейская! Вот почему я не смогла его опознать! А Алекс молодец, сразу понял. Надо бы с ним подружиться, раз он такой умный. И почерк у него разборчивый, конечно, каллиграфическим его не назовешь, в пансионе за такое письмо посадили бы на хлеб и воду, заставив прописать сто страниц. Что-что, а почерк у девушек должен быть безупречным, чтобы пригласительные карточки заполнять. Но это ерунда, главное, что я смогла прочесть его записи даже увиденные вверх ногами глазами феникса!

Быстро записала все, только своими словами, а то мало ли, местор не так поймет, и прилетит и мне, и Алексу, с ним после такого будет сложнее сойтись. А Мартина с Оливией со своими фениксами до сих пор не разобрались, так я еще и не последняя, приятно. Между прочим, им самые обычные

достались, еще и учебником пользоваться разрешили, вряд ли они что-то прочитали заранее, и местор Альдер это от-лично понимал.

На меня вдруг накатила злость: ведь эти пустозвонки учились еще хуже меня! Но их почему-то не отчисляли, а меня, значит, пытались выгнать. Что за предвзятость у завкафедрой? И тут меня клюнули, не больно, но ощутимо. Феникс неодобрительно наблюдал за моими мыслями, будто говоря, что не время для обид, нужно сдавать работу. И он, надо признать, абсолютно прав.

– Вот, – я отдала местору лист. – Я могу быть свободна?

– Нет, леди Риар, я просил вас задержаться.

Завкафедрой посмотрел на мой лист, и чем дальше он читал, тем сильнее вытягивалось его лицо. Не ожидал, значит. И феникса мне самого сложного подsunул специально. Я с трудом сдержалась, чтобы не высказаться, но клюнутое темечко до сих пор давало о себе знать.

– Время вышло, – объявил преподаватель.

Оливия и Мартина развернулись и спокойно сдали пустые листы, демонстративно так, чтобы я наверняка заметила и осознала, что их не выгонят, а меня выставят в любой момент. И совсем скоро – из платной комнаты.

– Ну что ж, леди Риар, вы неплохо справились с заданием. Неплохо? Неплохо?! Да он издевается!

– Спасибо, – сквозь зубы поблагодарила я.

– А главное – без происшествий, – продолжил местор.

– Старалась.

– Но мне бы хотелось узнать, что случилось на алхимии? Отчего вы пришли позже всех, а остальная группа так возбужденно обсуждала предыдущее занятие?

– Ничего не случилось.

Но такой ответ завкафедрой не устроил. Я же, поняв, что разговор может затянуться и лишит меня ужина, стиснула кулаки и выдохнула. Значит, желает узнать. Ну что ж...

– Котелок, в котором у меня варилось зелье для расщепления неживых тканей, опрокинулся на мою одежду. Соответственно, от формы мало что осталось.

– Сам опрокинулся? – продолжал допытываться преподаватель.

– Не знаю, я его не трогала.

Говорить, что кто-то сделал это специально, не стала. У меня все равно нет настоящих доказательств, одни голословные обвинения, да и местор не дурак.

– Леди, почему с вами постоянно какие-то сложности?

Завкафедрой сложил стопку листов в папку, наверное, ответа ему не требовалось, а вопрос был из разряда риторических, но смолчать я не смогла.

– Вы поэтому так жаждете меня отчислить? – задала я встречный вопрос, а мужчина поднял на меня недоуменный взгляд.

Не ждал, наверное, но на меня столько всего навалилось, я вчера полвечера просидела, вытирая слезы. Родители в тюрь-

ме, еще отчисление это.

– Так ведь раньше я не делала ничего такого.

– Раньше вы вообще ничего не делали.

– Но я такая не одна! Кроме меня, здесь еще несколько учениц со слабым даром и нулевыми знаниями, но они спокойно сдают вам пустые листы!

Я обвинительно ткнула в его папку.

– Успокойтесь, леди, – ледяной голос местора остудил мой пыл. Я сама уже пожалела, что не сдержалась. Стоило промолчать, конечно, но и так последнее время только и делаю, что молчу. А еще учусь. – Вы правы, я предвзята, – я уже хотела с новой силой накинуться на преподавателя с обвинениями, но он не позволил. – Дело не в том, что вы слишком плохи в учебе. Напротив, у вас отличный потенциал, вы способная девушка и можете куда лучше, что сегодня и продемонстрировали. Но три единицы дара по магии жизни не дадут вам стать нормальным целителем, вы никогда не сможете работать по профессии. Да, вы смогли диагностировать феникса, а скорее – договориться благодаря сильной эмпатии, – догадался, значит... – но что бы вы сделали, окажись он серьезно болен? Вы не в состоянии оказать полноценную целительскую помощь, – местор прервался, давая мне осмыслить его слова. Как ни горько признавать, но он, несомненно, прав. Вылечить кого-либо я бы не смогла. А завкафедрой продолжил: – На целительский стоит идти хотя бы, подчеркну, хотя бы с пятью единицами. Но настоящие, сильные

и успешные целители имеют десять и выше единиц. И я бы понял, не обладай вы другими талантами, но я видел ваши метрики: десять по стихийной магии и двенадцать по темной. У вас такие возможности в других областях магии, так зачем тратить время на профессию, где вы никогда не сможете себя реализовать?

Он, безусловно, прав, да вот только...

– И что вы предлагаете? – хмуро спросила я. – Перевестись? У нас такие разные программы, что мне максимум зачтут пять предметов из первых двух курсов. При этом учиться придется заново с первого года.

– И что с того? Вам всего двадцать – это не возраст. Многие в ваши годы только поступают, а некоторые и позже. Вы потеряете четыре года, хотя лично я считаю, что потеряли время вы до этого, учась на целительском, зато потом сможете заниматься любимым делом, к которому имеете способности. У вас вся жизнь впереди, и как она пройдет – решать только вам.

– Вам легко говорить.

Я отвернулась, пытаясь скрыть эмоции, заново поставила щиты. Не хватало еще, чтобы местор знал, насколько горько мне все это слышать.

Раньше, когда я жила в уверенности, что работать не придется, мне было глубоко плевать, где и на кого учиться. Теперь я отлично видела, насколько заблуждалась, но, пока учусь в Академии, связана по рукам и ногам. Я думала про

перевод, в свете моих отношений с однокурсниками взять и начать все с чистого листа с другими людьми весьма привлекательно. Но я не могу отчислиться, так как идти некуда, вчерашний вечер наглядно показал, что в окруженный магическим барьером дом мне больше не попасть. Где жить до следующего набора почти полгода? И на что? А если я переведусь, пускай и на первый курс, то придется точно так же догонять программу, а потом подтягивать контроль над магией до должного уровня все лето, чтобы спокойно учиться дальше и осваивать темное искусство. Все-таки к целительству меня худо-бедно готовили с детства, а темную магию родители всегда воспринимали как нечто запретное и ее изучение, мягко говоря, не поощряли. И мой перевод точно бы не одобрили.

Я как-то заикнулась, а так ли необходимо мне поступать на целительский, когда я могу пойти и в боевые маги, и в некроманты. Помню, как странно переглянулись мама и папа, и тогда у нас состоялся серьезный разговор, после которого о темных направлениях в магии я больше не заикалась, да и о стихийных тоже. Почему-то родители очень не любили темных магов, даже разговоры о них не поддерживали.

И пока я буду учиться, родителей осудят и приговорят. А я должна что-то сделать! Хотя бы попытаться. Нет, с переводом связываться совсем не время.

– Спасибо за заботу, местор, но я твердо намерена стать целителем, несмотря и вопреки, – уверенно заявила я.

Получу диплом, а там уж как-нибудь да устроюсь.

Если так рассуждать, то мне никто не мешает и потом пойти учиться, когда все проблемы останутся позади.

– Поступайте, как сочтете нужным, леди, – раздраженно ответил местор и направился к выходу.

Он явно рассчитывал достучаться до меня, и, надо признать, был очень убедителен. Возможно, при других обстоятельствах...

Но мои обстоятельства на данный момент таковы, что если я очень не поспешу, то имею все шансы остаться без ужина. И вот это уже будет реальная и насущная проблема.

Махнув на прощание фениксам и мыслеобразами пообещав «своему» угощение в благодарность, я последовала за местором на выход. Ничего, прорвусь. Только для начала поужинаю.

9. Ужин

В этот ужин я была серьезно настроена поесть в одиночестве, так что от раздачи сразу направилась к любимому и, к счастью, свободному подоконнику. После сегодняшних практик видеть и, тем более, слышать однокурсников мне совсем не хотелось. Наслушалась уже. Может, действительно взять и перевестись от них? Все равно ведь ни с кем не сойду...

– Эй, Риар! – Янг уверенно двигался в мою сторону.

Я ускорила, игнорируя кричащего на всю столовую парня.

– Да подожди ты!

Ждать я не собиралась, но с подносом в руках не так-то удобно маневрировать в потоке голодных студентов.

Так что Янг предсказуемо нагнал меня и еще имел наглость схватить за локоть.

– Пусти, – прошипела я.

Главное – поднос не уронить, а то из-за этого идиота без ужина останусь.

– Да ладно тебе, – но руку парень убрал и даже поднял, демонстрируя благие намерения.

Вот только путь к окну перегородил.

– Риар, извини, – внезапно выпалил однокурсник, – я не собирался подставлять тебя перед завкафедрой. Не думал,

что он так отреагирует.

– Как «так»? – быстро прощать его я не собиралась, уж точно одними словесными извинениями он не отделается.

– Ну, он же тебе велел остаться. А когда все ушли, вы там разговаривали. И потом он злой, как голодные хрычи, вышел. Наши девчонки хотели к нему с вопросами подойти, а он резко им ответил, что занят, пусть завтра приходят. Извини за то, что тебе от него досталось, лады? – парень на полном серьезе раскаивался.

Что бы там ни было, а стукачество в студенческой братии никогда не поощрялось. Это только некоторые бегают к руководителям по поводу и без.

– Хорошо, – подумав, согласилась я, прикидывая, попросить у Янга конспекты прямо сейчас или чуть позже. Он же у нас тоже в числе лучших. – Надеюсь, впредь ты будешь сдержаннее.

– Буду, конечно, – заверил однокурсник. – Просто история, как на тебе растворялась одежда, никого не могла оставить равнодушным. Все-все! Молчу, – заулыбался парень.

– А ты, значит, одним из первых работу сдал? – поинтересовалась я.

Очень мне нужен был помощник по алхимии и зельеварению. Я бы сказала, жизненно необходим.

– Конечно, что там делать-то? Рецепт простой, даже странно, что мы его на четвертом курсе проходим.

– Так мы и не алхимики, – к моему огромному счастью.

– У них вообще такие зелья зубодробительные! Ты бы только видела! Я на факультативы и открытые занятия к ним часто хожу: представляешь, бывает, что используют несколько десятков ингредиентов!

Не представляю, но ненормального, посещающего факультативы по алхимии, теперь знаю. Вот под такой разговор мы как-то незаметно и пришли к общему столу.

– А вот и наша королева алхимии! – отовсюду зазвучали аплодисменты и радостные выкрики.

– Я раньше алхимию не любил, – поделился один парень, – но сегодня кардинально пересмотрел свои взгляды!

– Везет! – неожиданно поддержал его Янг, а ведь только что же извинялся! – А я не пересмотрел...

– Там было на что поглядеть, – и парни снова заржали.

Наверное, если бы не эмпатия, я бы сначала швырнула в нахалов поднос, а затем и воздушным вихрем добавила – это заклинание мне особо удастся, проверено. Но я с удивлением обнаружила, что смеются надо мной беззлобно, некоторые смотрят с долей восхищения, а пара с завистью, но в целом обстановка за столом благожелательная.

Так что я предпочла улыбнуться и сесть за общий стол. Но поесть нормально оказалось сложно. Со всех сторон сыпались вопросы, сильно ли меня ругал местор.

– Да так.

Я неопределенно пожала плечами, наговаривать на местора не хотелось. Но и сказать, что меня скорее по другому по-

воду задержали, тоже не получалось. Вот такая я таинственная особа.

– И феникса он тебе самого сложного дал, – поддержал уже кто-то из девушек. – Твою фамилию последней назвали, а там такое нечто сидело: никто, кроме Алекса, не угадал его породу.

– Почему никто? – решила сыграть. – Я поняла, что это помесь вильгельмина и фазейской.

– Ого!

– Знаешь, хорошо, что ты со своей компанией порвала, сразу поумнела, – одобрил Янг.

Надо бы теперь осторожно выяснить, как его зовут. Хотя обращение по фамилии в студенческом кругу вполне допустимо. Здесь вообще все как-то просто, никто не подбирает слова и не строит витиеватые фразочки. Тема моих достижений в алхимии как-то плавно перетекла в воспоминания о курьезных моментах, и мне на секунду стало жаль, что эти воспоминания у нас не общие. «Привилегированные» ученицы всегда держались обособленно и смотрели на других свысока. И стоило мне выбыть из этой группки, как я сразу превратилась для них в объект насмешек. Конечно, раньше мне завидовали, все-таки у меня складывалось лучше остальных: и магический резерв, и эмпатия, и какие-то навыки. А еще был молодой красавец-жених, а не какой-то сорокалетний старикан, как у Оливии.

– Элиза, – позвала меня одна из девчонок. Я, продолжая

жевать, нашла ее взглядом за столом. – Если подумать, наш завкафедрой очень к тебе цеплялся с самого начала, а сейчас особенно, – вот, даже окружающие замечают! – Может, он к тебе равнодушен?

Кашляла я долго, точнее, сначала и откашляться не получилось, кусочек картофельной запеканки провалился не в то горло и ни в какую не желал выходить. Вот так и гибнут в расцвете лет.

Запив кое-как вернувшийся на путь истинный кусок, я вытерла салфеткой выступившие слезы. Доведут меня однокурсники, не те, так эти.

– Откуда такие дикие мысли? – накинулась я на однокурсницу. – У меня с ним вообще ничего общего!

Кроме одной проекции-изображения в шаре.

– Я просто предположила. Представляешь, как было бы здорово? – принялась оправдываться девушка.

– Не представляю и представлять не хочу.

Запеканка больше не лезла. Это ж надо такое предположить!

– Риар, а у тебя вообще жених есть? – это снова Янг, вот у кого язык без костей.

И главное, все так замерли, ожидая ответа. А что ответить – я сама не знала. От Гильермо до сих пор ни слуху, ни духу, хотя вряд ли он не в курсе случившегося с моими родителями.

– Есть у нее жених, – это кто-то из девушек, и откуда толь-

ко знают? – За ней такой красавчик несколько раз приходил, не чета некоторым.

Янг был темноволосый, невысокий и худой, на свой возраст не тянул, я бы ему от силы лет семнадцать дала. А еще настолько активный и живой, даже на табуретке спокойно усидеть не мог, все время в движении. Полная противоположность Гильермо.

– Может, это брат? – насупился Янг.

И ведет он себя тоже по-детски. Забавно хмурит темные брови и надувается.

– Да-да, мы так и поняли.

Я ковырялась в запеканке. И ведь когда-нибудь они тоже все узнают, как и про моего жениха. Продолжат ли в таком случае общаться? И почему это вообще меня волнует? Мне учиться надо, программу догонять.

А если станет совсем плохо, то смогу перевестись на темную магию, к радости местора Альдера.

Может, прав он? Ну что я так цепляюсь за это целительство? Но, потеряв семью и дом, взять и обрубить последнюю ниточку, связывающую меня с прошлым, пока не получалось. Посмотрим... Перевестись я могу и позже, уверена, завкафедрой еще и посодействует, лично словечко замолвит и документы мои отнесет, лишь бы избавиться. Неравнодушен он. Еще как!

Ужин закончился, мне предложили пойти со всей компанией куда-нибудь посидеть на территории кампуса, но на-

строения совсем не было. Как вспомню про родителей и опустевший дом, так слезы на глаза наворачиваются.

Так что с однокурсниками я распрощалась до завтра и пошла к себе. Последняя ночь в личной комнате. Завтра всех ждет новая порция сплетен, когда я перееду к кому-нибудь. Вот бы повезло, и мне досталась тихая и скромная соседка.

Стоило войти в общежитие, как недовольная сильнее обычного комендантша вручила мне два конверта. Один форменный, от нашей Академии, с предписанием или срочно оплатить комнату, или подготовиться к переезду. А второй... второй от Гильермо! Он будет ждать меня завтра в три часа возле ворот Академии!

Сердце сначала забилось чаще, но потом розовый туман перед глазами рассеялся. Эта встреча станет у нас если не последней в жизни, то заключительной в текущем статусе – точно. Здесь иллюзий питать не стоит и лучше быть заранее готовой. Может, первой его бросить? Сразу при встрече сказать: «Знаешь, Гильермо, нам было хорошо вместе, но дальше, прости, не по пути», или что там в таких случаях говорят? Наверное, так и поступлю. Если уж расставаться, то чтобы я, а не меня.

Все, решила. С одним вопросом разобралась.

Вопрос второй – переезд. И расставание с обжитой за столько лет одностойной комнатой печалило едва ли не сильнее, чем расставание с Гильермо. Собственно, положив руку на сердце, расставание с Гильермо меня вообще не сильно

расстраивало, в отличие от перспективы целый год жить с соседкой. И хорошо, если с одной...

Попросив у комендантши пару коробок, я упаковала свои вещи, чтобы завтра их только перенести. Так было удобно: большая кровать, просторный шкаф, письменный стол с полочками. Горшочки с цветами на окнах и милые занавески, ковер с длинным ворсом... Мне будет вас всех не хватать...

Наверное, стоило бы посвятить оставшееся до сна время учебе, но за последние три дня уже столько отдала времени, сколько обычно и за месяц не выходило. Поэтому я взяла папку с документами по нашему старому дому, развязала тесемки и начала разбираться. По всему выходило, что дом нам еще принадлежит, вот буквально в конце прошлого года отец оплачивал по нему какие-то счета. Немалые, однако. Единовременно десять тысяч марок. За такие деньги можно новый дом купить, не самый шикарный и не в центре, но точно лучше нашего. В моих воспоминаниях дом на все лады скрипел половицами, стонал лестницей, гудел трубами, а ночью в тишине пугал маленькую меня разными шорохами. Одним словом – был очень музыкальный. И его содержание, если оно столь дорого, я однозначно не потяну.

А вот еще интересная деталь: дом находится в залоге у Миасского банка, в самом низу лежал договор залога примерно тех лет, когда мы переезжали. Интересно, зачем такие сложности, почему сразу его не продали?

Только я не совсем поняла, в обеспечение каких обяза-

тельств его отдали в залог? И странно, что родители про него ни словом не обмолвились. Надо обязательно встретиться с поверенным, может, он что-нибудь прояснит?

Документы сложила обратно, папку закрыла и убрала в одну из коробок. Никаких ответов я не получила, а вопросов стало только больше.

10. Жених

Всю первую половину дня я провела как на иголках. Завтрак прошел уже традиционно в компании однокурсников, к разговору которых я почти не прислушивалась. Лекции по животноведению я также прослушала вполуха, что-то записала, но больше провела в своих мыслях. Немного встряхнули меня только занятия в зоосаде, где показывали, как ухаживать за животными. Не могу сказать, что это очень уж захватывающе, но, когда ты чистишь чью-то клетку, параллельно стараясь ни во что не вляпаться, на посторонние мысли времени не остается.

Меня мучили три вещи: старый дом, по какой-то причине до сих пор не проданный, переезд из комнаты и встреча с почти бывшим женихом. Не могу сказать, что передумала его бросать, но мне так нужна чья-то помощь или хотя бы совет. Я никогда ничего не решала сама, и начинать оказалось неожиданно трудно. Казалось, что может быть проще, не алхимия ведь и не целительство, но почему-то и по жизни не получалось прийти к чему-то определенному. Пока я просто плыву по течению, но долго так продолжаться не может. Поэтому на нашу с Гильермо встречу я возлагала большие надежды.

Для начала после занятий я не пошла на обед, решив, что бывший—не бывший, а накормить девушку он обязан. Все

же общая студенческая столовая меня не радовала, а с оставшимися тридцатью марками путь в кафетерий был заказан.

И оделась соответственно, в одно из тех платьев, которые взяла на продажу. Красивое нежно-лиловое, самое то для весны. Его я, пожалуй, не буду спешить продавать, к тому же оно на обычных застёжках, а не на шнуровке, и сшито на заказ по моей фигуре.

В таком виде, покрашенная и причёсанная, как на настоящее романтическое свидание, я вышла в три часа из Академии.

Гильермо стоял неподалеку, облокотившись на стену одного из домов, и выглядел настолько замечательно, что бросать его стало жалко. Расстегнутое светлое пальто отлично гармонировало со светлыми же волосами, небрежно намотанный шарф и небольшой, но изящный букет цветов, который служил главным акцентом образа. Цветы меня несколько смутили, кто приходит бросать девушку с букетом? Подозрительно как-то.

А ещё он так искренне обрадовался при виде меня, что стало совсем неловко. Сходу сказать «Давай расстанемся!» не получилось.

– Элиза, – Гильермо обнял меня, и я как-то случайно обняла его в ответ. – Как ты? Я очень переживал за тебя эти дни.

– А почему не пришел раньше?

Нет, на всякие нежности я не поведусь.

– Я заканчивал дела в клинике, мне предлагают другое место, не в столице, но город крупный – Зарев. Там наш стратегический порт, как военный, так и торговый.

– Так ты уезжаешь? – я выбралась из кольца его рук. – Тогда к чему все это?

– Давай где-нибудь поговорим, ты обедала? – пока еще жених галантно предложил руку.

Поскольку я не обедала, то с расставанием решила не топиться. Сначала нормально поем, потом все остальное.

Мы зашли в небольшой ресторанчик, где Гильермо любезно предложил заказать все что душе угодно. Обычно я, как всякая приличная девушка, поддерживала светлый образ и заказывала на наших свиданиях салатик и свежавыжатый сок. Но сейчас случай особый, и мне требуется нормальный обед. Желательно такой, чтобы после него и ужинать не захотелось.

Молодой человек с улыбкой наблюдал, как я с удовольствием расправляюсь с отбивной. Вкусно-то как! Да уж, это вам не столовка...

– Я готова слушать, – горячее закончилось, но стоявший передо мной десерт из фруктов и взбитых сливок должен подсластить любую пилюлю.

И пусть уже скажет, что уезжает и разрывает помолвку, так и быть, за вкусный обед уступлю наше расставание ему.

– Элиза, я знаю, о чем ты сейчас думаешь, – начал слишком издалека Гильермо.

Но он вряд ли прав: я думала о том, что мне сегодня надо еще переехать в новую комнату, обустроиться и успеть сделать задание на завтра. Куча дел, а он все ходит вокруг да около.

– Ты считаешь, что я тебя бросаю, так?

Я решила его не разочаровывать и кивнула. А вообще, не считала, я ждала, когда это уже случится.

– Так вот, ты не права. Я уезжаю, да, но хочу предложить тебе поехать со мной.

Я оторвалась от десерта и внимательно посмотрела на жёна. Его предложение, пусть и интересное, не походило на предложение руки и сердца. Тогда что именно он хочет этим сказать?

– В качестве кого? – прямо спросила я.

– Я предлагаю тебе уехать, – увильнул от ответа этот лис. – В место, где тебя никто не знает, где ты сможешь начать все заново. Я узнавал, в Зареве тоже есть небольшое отделение Академии магии, закончишь его, получишь диплом. Я еду туда заведующим инфекционного отделения и место для тебя найду. Не целителем, конечно, у тебя слишком слабый дар, тут не стоит обманываться, – сразу уточнил Гильермо, – но есть и административные должности, до них, правда, надо дорасти. Так что начинать советую с младшего персонала, заодно и опыта наберешься, посмотришь, что и как. А я буду рядом и в любом случае без поддержки тебя не оставлю.

Десерт закончился, как и мое желание выслушивать все

это и дальше. Нет, я ничего другого и не ожидала, Гильермо предлагает мне весьма неплохой вариант, если разобраться. Но меня все равно не устраивает. Не вариант даже сам Гильермо. Пусть едет без меня.

– Гильермо, нам дальше не по пути, – все-таки произнесла красивую фразу я. – Желаю удачи в Зареве.

– Элиза, подумай как следует, я понимаю, что тебе обидно, но и ты меня пойми...

– Я все понимаю, – и мило улыбнулась бывшему.

Он чувствовал себя виноватым, моя эмпатия не может ошибаться, вот и пусть мучается дальше.

– Может, тебе что-то нужно? – и, разумеется, Гильермо, как мог, пытался сгладить свою вину.

– Коробку эклеров, – попросила я. – Только не здесь, тут неподалеку есть отличное место, там можно взять навынос.

– И все? – бывший жених выглядел растерянным.

А что, он думал, я попрошу денег? Соблазн имелся, не отрицаю, но брать у него их в компенсацию за разорванную помолвку... нет уж, лучше платья продам.

– Все.

И пусть его совесть мучает всю оставшуюся жизнь, что бросил девушку в такой сложной ситуации. Чтоб ему там икалось, в этом Зареве, надо будет хоть посмотреть, где этот стратегический порт находится.

За эклерами мы сходили молча, Гильермо почти не смотрел в мою сторону, мне тоже нечего было ему сказать. Хоро-

шо, что мы не женаты, возможно, со временем мои чувства стали бы к нему глубже. А возможно, и нет, так и маялись бы потом друг с другом.

– Добрый день, леди, – приветливо улыбнулась хозяйка. – Вам понравились наши сладости?

Приятно, что меня запомнили, пусть и была здесь всего один раз.

– Очень понравились, эклеры были изумительные! Можно мне еще десять сегодняшних? – на всякий случай уточнила я. – А еще вон тех корзиночек и бисквит.

– Нам завезли совершенно удивительные мятные леденцы, – продавщица поняла ход моих мыслей.

– И леденцы, – согласилась я. – А кофе в зернах продаете?

– Да, они у нас уже обжаренные, идут на вес, три марки за унцию.

– Ты не против? – я похлопала ресницами, свою компенсацию я обязательно получу, помещу эклеры в стазис и буду наслаждаться, растягивая удовольствие.

– Нет-нет, – поспешил ответить бывший жених. – Бери все что хочешь.

Взяв еще несколько пачек тонизирующего чая, шоколадных конфет – они долго лежат безо всякого стазиса – я почувствовала себя достаточно удовлетворенной.

В Академию собиралась вернуться одна, но бывший жених настоял, что проводит: вечереет уже, да и ему несложно. Коробку со сладостями он тоже предложил донести, но

такую ценность я ему доверить не смогла.

– Прости, – у дверей Академии он едва ли не впервые за сегодня посмотрел мне в глаза. – Мне правда жаль.

– А мне нет, – искренне ответила я.

Молодой человек невесело усмехнулся.

– Береги себя, и на всякий случай я пришлю тебе в Академию письмо с новым адресом из Зарева, мое предложение в силе, учти. И через год, когда закончишь учебу, тоже будет в силе. И вообще, за год может многое измениться, и тогда, возможно, мы еще раз...

– Всего хорошего, – я привстала на цыпочки и по-дружески чмокнула Гильермо.

И всю оставшуюся дорогу до проходной я ощущала пристальный взгляд в спину. Мне не жаль, а вот ему как раз очень. И это, признаюсь, грело душу. Плакать в подушку по бывшему жениху я в любом случае не собиралась, вот еще. Зато сладостями разжилась. Надо бы в зоосад заглянуть к фениксам, поблагодарить моего пернатого помощника. Удивительно, что даже птица оказалась не глуха к моему горю и смогла найти способ помочь, а взрослый и самостоятельный мужчина при первом же признаке опасности поджал хвост и скрылся за горизонтом. Нет, определенно хорошо, что мы расстались. И настроение у меня было отличным... ровно до входа в общежитие.

– Где вы шляется, леди? – комендантша, кажется, поджидала меня на пороге. – Съезжать-то собираетесь? Комнату

освободить надо.

– Собираюсь, – скривилась я. – А куда мне переезжать?

– Держите, – и грымза всучила мне бумагу с данными комнаты и именем соседки и несколько погнутый ключ. – Можете идти заселяться, я ее уже предупредила.

Ну что ж, посмотрим, насколько мне повезло на этот раз. Имя и фамилия казались знакомыми, наверное, кто-то из моей группы, вот и познакомимся поближе.

11. Соседка

Зайдя в свою теперь уже бывшую комнату (как много за сегодня стало бывшего), я последний раз окинула ее взглядом, решая, не взять ли что-нибудь еще.

Одеялом, подушкой и постельным бельем родная Академия должна обеспечить, коврик, кажется, относится к комнате. Цветы не возьму, все равно не знаю, как за ними правильно ухаживать, за меня это всегда делала приходящая уборщица. Книги на полках – одни романы и популярные издания, их точно не потащу, все равно вряд ли перечитывать буду. Что еще? Одежду я упаковала вчера, а то, что взяла из дома, так и лежало в мешке. Средства личной гигиены, косметика и прочие штучки были собраны и весили ощутимо больше, чем мои немногочисленные учебники и канцелярские принадлежности. Телекинезом я владела плохо, поэтому с трудом погрузила все вещи на выданную тележку, сверху положила букет и пошла заселяться.

У дверей нужной сто двенадцатой комнаты я остановилась и постучала, решив первый раз не открывать своим ключом, а проявить вежливость. Элис Дьяр... что-то знакомое, сейчас и узнаю, кто такая эта Элис.

И когда дверь открылась, я поняла, что и здесь просто не будет.

– Тебе чего? – рыжая однокурсница встала в проходе, под-

перев косяк.

Она все время таскалась рядом с Алексом, а поскольку с Алексом мы проучились все четыре года, и знала я его не в пример лучше остальных, то и общалась больше. А еще Алекс – первый, кто пригласил меня за общий стол и потом сделал многое, чтобы меня там приняли. Вот только Элис я совсем не нравилась, и принимать меня еще и в качестве соседки она не торопилась.

– От тебя ничего, я теперь здесь живу, – и для верности продемонстрировала распоряжение от комендантши.

Соседка не шелохнулась, тогда я попробовала ее обойти. Девчонка сделала шаг в сторону, загораживая проход.

– А если не пущу? – Элис будто невзначай подняла руку и принялась разглядывать свои ноготки, весьма остро наточенные, к слову. – Я уже привыкла к одноместной комнате, с соседками уживаюсь плохо, ты у меня четвертая будешь, остальные продержались недолго. Так, может, сразу пойдешь обратно к комендантше и скажешь, что мы не сошлись характерами? Чтобышний раз не таскать вещи, а?

Элис смотрела на меня в упор. Волосы собраны в высокий хвост, отчего скулы кажутся еще острее, губы сжаты в линию, глаза прищурены, даже стойка сразу чуть пружинистая, чтобы и самой ударить можно, и от чужого удара уйти. По такой сразу видно, что к скандалам она привыкла, как и к выдергиванию патлов всем недовольным. Конечно, я бы могла тоже продемонстрировать свои навыки. Могла после-

довать ее совету и не нарываться на штрафные баллы, а вернуться и попросить другую комнату. Но так можно с места на место долго бегать. А если зайти иначе?

– У меня эклеры есть, конфеты, вкусный чай и кофе. Но если не хочешь, могу пойти в другую комнату к другой соседке.

Мы смотрели друг на друга. Моя потенциальная соседка еще раз придирчиво окинула взглядом меня и мои вещи, которых набралось три больших коробки и несколько небольших.

– Заходи, так и быть, сейчас чайник на спиртовку поставлю. Но в шкафу твое барахло не поместится, учти, а на свою территорию я никого не пускаю.

Вот и решили одну проблему. Хотя бы с проходом внутрь. А там уж как-нибудь годик вместе проживем, если я не вылечу или не переведусь раньше.

Зайдя в комнату, я не сдержала грустный вздох: комнатуха на двоих была меньше моей прежней персональной. Шкаф – одно название, единственная перекошенная створка, штанга, на которой от силы три платья поместятся, не помнявшись, и две полки наверху. Прямо скажем – негусто.

Узкая кровать с жестким и кочковатым матрасом, свалявшаяся подушка, грубое постельное белье какой-то непонятной расцветки, явно вылинявшее после множества стирок. Вот тут-то я и пожалела, что хотя бы простынь из дома не захватила. Надо было делать, как папа говорил...

Письменный стол с ящиками и полка для книг наверху. Куда я только буду все свое добро складывать?

Пока чайник на спиртовке медленно закипал, я достала самые нужные вещи и сложила в шкаф, предварительно применив к нему все известные мне очищающие бытовые заклинания, а то мало ли, кто и что держал там раньше? Ту же процедуру проделала с кроватью. А в письменный стол с ящиками мне и складывать особо нечего, Элис только фыркнула, когда я раскладывала там косметику.

Остальные коробки пока запихнула под кровать и выдохнула.

– И что, это все твои вещи первой необходимости? – удивилась соседка.

– Да, в коробках еще одежда, но ее все равно вешать некуда.

– А тазик там какой-нибудь? Чайник?

Зачем нужен чайник, я еще понимала, неплохо бы им обзавестись, вряд ли Элис согласится на постоянной основе поить меня чаем, но тазик...

– А зачем тазик? – осторожно спросила я.

Чувствую, выяснить этот момент стоило как можно раньше.

– А в чем ты стирать собираешься?

– А стирать можно только в тазу? А как же прачечная? – к таким трудностям я была не готова.

– Прачечная для привилегированных студентов из плат-

ников, к которым ты теперь, видимо, не относишься. Можешь, конечно, за деньги сдавать туда вещи.

– И где взять таз? Может, его выдают? Как постельное белье, к примеру.

– Нда... сложно тебе будет, принцесса. Иди чай пить, сейчас кипятком залью.

– Давай мой заварим, – я достала пачку явно лучше, чем ее непонятный дешевый сорт.

– А чашка у тебя есть?

– Есть, – я выставила на стол фарфоровую чайную пару, на что Элис закатила глаза, но насыпала заварки и залила кипятком. Эх, никакого представления о чаепитии...

Коробку со сладостями мы открыли, и обе с удовольствием начали таскать пирожные с эклерами.

– Как тебя угораздило-то? – соседка после эклеров и вкусного чая ощутимо подобрела и немного прониклась ко мне. – С родителями поссорилась, что ли?

– Вроде того, – я взяла эклер.

– А твой жених что на это сказал?

– Ничего не сказал, мы расстались.

– Понятно... – многозначительно протянула Элис и вытянула очередной эклер.

Сидели мы на моей незастеленной кровати, и было это как-то странно и непривычно. Вся ситуация: двухместная комната, чайник на спиртовке, дешевая обстановка, краска, местами облупившаяся на стенах, затертый паркет на полу,

некоторые половицы подбиты гвоздями, шторы на прогнувшемся карнизе...

Сама Элис рыжая, просто какая-то неприлично яркая даже без макияжа, прямой и колючий взгляд зеленых глаз, веснушки на щеках, которые она и не пыталась запудрить, худая, плечи и локти острые, ключицы выпирают, зато груди толком нет, так, один намек. Да ее эклерами кормить и кормить.

– Значит, ты теперь свободна, – с какой-то грустью произнесла девушка.

– Получается, да. А что? – нет, понятно, что я должна немного расстроиться от расставания, так я сейчас, можно сказать, и заедаю горе вкусняшками, а она-то чего печалится?

– И значит, парни начнут к тебе клеиться, – продолжила мысль соседка.

Ровно до тех пор, пока не всплывет вся правда о моей семье. В чем-то даже хорошо, что мои бывшие подружки не снисходят до общения с окружающими, иначе бы все уже давно были в курсе.

– Мне это сейчас не особо интересно, – те парни, которые начнут ко мне клеиться, навряд ли способны обеспечить мое безбедное будущее.

– Тебе-то, может, и неинтересно, а вот другим будет интересно, – вздохнула Элис.

Я еще раз внимательно оглядела соседку, а что, если...

– Элис, а ведь тебе нравится Алекс, да? – чем именно, я не понимаю. Алексу далеко до эталона красоты: среднего роста, невыразительный, светлые волосы и брови совсем не оттеняют светлую же кожу, глаза серые. Взгляду зацепиться не за что. И такая огненная девушка рядом будет смотреться странно. Но мне-то что?

Если подумать, мы с Гильермо были гармоничной внешне парой и отлично смотрелись вместе, а толку-то?

Элис не ответила, только откусила большой кусок эклера. Я на всякий случай отложила один для феникса, а то съедим все, где я еще эклеров возьму? Вернее, на что.

– Давай, я помогу тебе привлечь внимание Алекса, а ты поможешь мне с налаживанием быта и учебой?

Честно говоря, я не знала, как училась Элис, но точно лучше меня. А в обычной комнате студенческого общежития девушка жила все четыре года и все премудрости наверняка освоила.

– И каким же образом ты хочешь мне помочь? – подозрительно прищурилась соседка.

– Для начала приведем тебя в приличный вид. Ты когда нормальный маникюр в последний раз делала? – судя по взгляду Элис, который та бросила на свои пальцы, – никогда. Заточенные ногти, конечно, практично, но не особо красиво, да и кутикулу подрезать не мешает. – Из косметики тебе что-нибудь подберем, у меня много разного, что-нибудь тебе обязательно подойдет, – пусть типаж у нас совершенно

разный, но некоторые тени и подводки я покупала не потому, что они мне шли, а просто из-за красивого цвета. Вот и попробуем на Элис. – С волосами что-нибудь придумаем, я тебя до этого с распущенными видела, но лежали они у тебя каждый раз отвратительно. Хвост, конечно, интересно, но ты с ним какая-то слишком воинственная, надо добавить женственности.

Еще бы ей грудь добавить – вот уж точно беспроектный вариант, но тут чем природа наградила.

Не могу сказать, что девушка слушала меня с энтузиазмом, но и отказываться сразу не спешила.

– А в учебе в чем именно тебе надо помогать? – Элис постучала пальцами по своей кружке и отставила ее в сторону.

– Можем начать с сегодняшнего задания по зооцелительству, – что было бы весьма актуально.

– А ты еще не сделала? – удивилась соседка.

– Не успела, – призналась я.

– А предыдущие задания у тебя закончены?

– Даже не начаты, – темно-рыжие брови поползли вверх. Да уж, ей со мной будет не легче. – А я тебе завтра утром прическу сделаю и накрашу, – вот это я умею.

– Хорошо, – медленно проговорила Элис, – давай попробуем. Но если с Алексом толку не будет, я на тебя время тратить не собираюсь.

– Взаимно, – я протянула руку, которую девушка, чуть помедлив, пожала.

Возможно, жить с соседкой не так уж и плохо.

12. Прическа

Задание досталось от замечательного завкафедрой такое же замечательное: каждому выдали одно огненное животное из ранее пройденного материала, необходимо было проанализировать сильные и слабые его стороны для домашнего содержания. Зооцелители должны разбираться во всем.

Мне выпал большой трехглавый цербер. Учебник с подробным описанием я позаимствовала у соседки, у меня имелся только краткий бестиарий. И чем дольше я читала, тем сильнее убеждалась: я бы такую тварюгу не завела. Во-первых, он очень много ел, так как габаритами почти не уступал грифону или мантикоре – один из самых крупных из одомашненных. Во-вторых, грыз в три раза больше обычного цербера. Если верить описанию, среднестатистическую табуретку он перемалывал тремя зубастыми пастями до состояния щепы минуты за две. В-третьих, характер, как и все огненные, имел соответствующий, заводить его рекомендовалось исключительно магам, умеющим ставить щиты. Нет, разумеется, существовали ограничивающие и запирающие артефакты, но если хозяин случайно не уследил, и они исчерпали свой резерв... в общем, магический огонь тушится плохо, а горит сильнее обычного.

По-моему, всё вышеперечисленное делало трехглавого цербера совершенно непригодным для домашнего содержа-

ния. Но ведь находились же любители...

Малый одноглавый ненамного лучше, но все же более управляемый и менее разрушительный.

– Его реально кто-то заводит? – пока что моя колонка «сильные стороны» была абсолютно пуста.

– Реально, – Элис снисходительно наблюдала, как я старательно вычерчиваю таблицу и вывожу буквы своим каллиграфическим почерком. – Они сильные и выносливые.

– Попробуй такого выгуляй.

– Обладают отменными охранными качествами. Могут охранять как дома, склады или производственные объекты, так и торговые караваны, к примеру.

– Подожди, не так быстро, – я записывала.

Элис закатила глаза.

– Неприхотливые, с отличным здоровьем, огненная магия делает их устойчивыми к низким температурам. Высокая обучаемость, опять же, охотничьи инстинкты.

Дальше мы перешли на список болезней, он оказался у них небольшим и в основном связан с опорно-двигательным аппаратом и желудочно-кишечным трактом. Трехглавость сильно осложняла церберу жизнь. Чтобы не смещались центры тяжести, спина и круп отличались массивностью. Имелись также психологические проблемы, которые сглаживались правильным воспитанием. А при неправильном головы вполне могли начать конкурировать друг с другом, вплоть до драк. В обычном случае одна голова все равно лидирует,

воспринимая остальные как стаю.

– Теперь изучай строение и основы защиты от него, а также способы погасить его возгорания, – скомандовала Элис, когда список качеств мы добились.

– Это тоже надо писать? – я достала новый лист.

– Не надо. Когда цербер вспыхнет, твой листочек превратится в пепел, – фыркнула соседка. – Поэтому лучше заучивай.

– Когда вспыхнет? Мы же устно защищаем наше задание, что там может вспыхнуть? – напряглась я.

– Устно? – Элис рассмеялась звонко и искренне. – Нда, принцесса, вижу, с учебой у тебя все еще хуже, чем я думала, раз ты даже расписание занятий за полсеместра не выучила. Завтра – практическое. Ты сдашь письменную часть на проверку, а на деле будешь проявлять свои навыки взаимодействия с магическими животными. И поздравляю, у тебя опять один из самых трудных и опасных. Видимо, ты чем-то серьезно разозлила местора Альдера. Я слышала от пятикурсников, что трехглавых церберов обычно парням дают.

– И что делать?

Мне совсем не хотелось на практическое с трехглавым цербером, он мне заранее не понравился, еще по описанию в учебнике.

– У тебя же эмпатия сильная, – пожала плечами соседка. – И для начала изучи его физиологию, ты же ее тоже мимо прошла, да? Обязательно будут вопросы по ней. Давай,

принцесса, сделай так, чтобы мне не было за тебя стыдно.

На колени мне лег учебник по физиологии видов. Был он еще толще основ зельеварения. И это все надо выучить?!

– Давай-давай, – приободрила меня Элис, соскакивая с моей кровати и перебираясь на свою. – Ночь длинная. И я тебя завтра рано подниму, ты же помнишь про свое обещание?

– Помню, – я нашла описание большого трехглавого чербера. – А незнакомые слова у тебя спрашивать можно?

Элис застонала, но согласилась.

– Знаешь, а ты мне даже нравишься, – ложась спать, призналась девушка. – Я себя на твоём фоне такой умной чувствую.

– Спасибо, ободрила, – буркнула я, заворачиваясь в одеяло.

– Обращайся, – зевнула соседка и, кажется, сразу уснула. Везет.

С непривычки я долго ворочалась на неудобном матрасе, пытаюсь устроиться получше, заодно слушала шорохи с половины соседки. Я никогда в жизни не делила ни с кем комнату, даже в самом детстве, ещё в старом доме, у меня была собственная. Старый дом. Едва окутавшая меня дрема, готовая перейти в сон, тут же отошла в сторону, уступая место мыслям. С этой учебой времени совершенно нет! А мне так нужно встретиться с поверенным и узнать, что с домом. Почему он в залоге у Миасского банка, и возможно ли вернуть

его обратно? Тогда у меня будет хоть какая-то крыша над головой и за учебу не придется так переживать.

Проснувшись я от того, что меня совсем не нежно расталкивали и стаскивали одеяло.

– Вставай, а то душевые займут, на завтрак не успеем!

И на этом я открыла глаза, думая, что это какой-то странный сон. Почему кто-то должен занять мою душевую?

За окном даже не рассвело толком, но яркий магический светляк давал возможность все как следует рассмотреть и осознать.

– Уже? – простонала я.

– Уже, – сурово подтвердила соседка. – Бери полотенце, халат, зубную щетку и что там тебе еще надо, и пошли скорее.

– У меня полотенца нет, – призналась я.

Почему-то о нем я тоже не подумала.

– Значит простынь, в коридоре прохладно, нужно вытереться. Что я вообще с тобой вожусь, как с маленькой? – возмутилась Элис. – Могла бы и получше подготовиться!

Знать бы, к чему именно готовиться...

Взяв вторую простынь, достав из коробки голубой шелковый халатик, отделанный кружевом, и тапочки, положив зубную щетку и порошок в косметичку, я в халатике и шелковой же ночной сорочке пошла в общие душевые. Их несложно было найти: в конце коридора выстроилась небольшая очередь.

В мужскую душевую, что примечательно, очереди не оказалось, парни там особо и не задерживались, а вот в женскую человек десять набралось. На меня все косились как-то странно, наверное, я несколько выделялась своим шелковым халатом на фоне их банных. Но признаю, определенный плюс в махровых, байковых, а то и вовсе теплых стеганых халатах имелся: шелк на поверку совсем не грел. А в коридоре было по-утреннему свежо, так что я быстро начала зябко ежиться и пританцовывать в ожидании своей очереди. Надеюсь, в душевых теплее.

Парни тоже задерживались на мне взглядами, подмигивали, некоторые подходили знакомиться. Знакомство в очереди в душевую – что может быть пошлее?

К счастью, минут через пятнадцать, когда я успела основательно продрогнуть и начала отстукивать зубами, наконец-то подошел мой черед в помывочную. Я сразу шмыгнула в свободную кабинку, рядом повесила одежду и с наслаждением включила горячую воду, отогреваясь. Потом промыла свои густые длинные волосы, нанесла на распаренную кожу скраб, маску... Привычный утренний ритуал.

– Кто там в четвертой кабинке? – в дверь недовольно забарабанили. – Жабры отращиваешь?

– Смотрите, какой оттуда пар валит! – подхватил кто-то. – Да она сейчас всю горячую воду сольет!

В дверь забарабанили с удвоенной силой. А я что? У меня на теле скраб, который еще смыть надо, на волосах укрепля-

ющая маска.

– Подождите минуту! – крикнула я, а то, чего доброго, дверь вынесут.

– Риар, ты, что ли? Ты там уже двадцать минут торчишь, у нас не больше пяти минут на человека, ты в курсе? Быстро вышла!

– Я тороплюсь как могу!

Под недовольные возгласы я спешно смывала с себя все нанесенное, дверь ходила ходуном, напряжение в душевой росло, а мои эмпатические щиты буквально трескали.

– Так, – стоило мне открыть дверь кабинки, как дорогу преградила девушка из породы, про которую обычно говорят «в теле». Таковую при всем желании не обойти, она ровно по ширине двери. – Я вижу, ты не знаешь местные порядки.

– Я быстро учусь, – разумеется, я могла бы ответить куда жестче, но штрафные баллы мне совсем ни к чему. – Поняла уже, что чуть-чуть задержалась.

– Чуть-чуть? – отовсюду слышались возмущенные крики.

– Я извиняюсь, что задержала кабинку, мне было очень нужно, – и запас моей вежливости не бесконечен.

– Здесь всем очень нужно, но больше никто себе такого не позволяет, – не отставала от меня толстуха, да еще для большей убедительности сделала шаг ко мне, грозно сложив руки на груди.

Нет, ну это уже слишком! Подумаешь, кабинку немного

задержала!

В ответ на мои мысли вода в трубах недовольно загудела, душевые разом зафыркали, из кабинок зазвучали визги: где-то пошел кипяток, кого-то, наоборот, окатило ледяной водой.

– Вы бы мылись быстрее, а не глупые разборки устраивали! Не видите, что ли, с водой проблемы! – крикнула я, и это подействовало, народ засуетился, целительница в теле скривилась, но выпустила меня из кабинки.

А ведь сегодня мне буквально повезло...

В комнату я почти бежала: во-первых, холодно, во-вторых, я еще Элис должна накрасить.

Соседка к моему возвращению успела одеться и высушиться.

– Так, – скомандовала я, – садись к окну, макияж лучше всего делать при дневном свете.

– А ты точно успеешь? – по-моему, Элис не горела желанием преобразаться и покорять возлюбленного.

– Точно, – заверила я девушку, – у меня рука набита.

Сама же быстро высушила волосы бытовым заклиниванием так, чтобы они сразу легли как нужно, красивыми крупными локонами, надела форму, достала косметичку.

– Ну-с, приступим.

Минут за двадцать я привела Элис в порядок, сделала легкий дневной макияж. Самым сложным оказалось закрасить ее синяки под глазами, очень некрасиво выделявшиеся на

бледной коже. Все-таки учеба до добра не доводит. Конечно, косметики под ее цветотип у меня нашлось немного, и макияж у нас совершенно разный. Себе я добавляла яркости, подчеркивала скулы, губы, подкрашивала глаза, светлые ресницы и брови. А рыжей девушке стоило чуть сгладить острые черты, перламутровым блеском добавить объем тонким губам и подвести глаза. Рыжину ресниц и бровей я трогать не стала – пусть будет изюминка. Волосы собрала в несколько косичек, которые пустила по голове, а потом объединила в один рыбий хвост.

И получилось здорово!

– Все, теперь можешь выходить из комнаты, – разрешила я.

– Слишком много всего, – заявила соседка, – я так не привыкла.

– На фоне твоих огненных волос – отлично, – заверила ее. – Зато глаза на лице не теряются.

Элис с сомнением посмотрела на себя в зеркало, как-то обреченно вздохнула и пошла со мной в столовую.

– Мне кажется, Алекс все равно не заметит, – соседка то и дело норовила дотронуться до лица или волос, хоть по рукам бей.

– Алекс не заметит – другой заметит, на нем свет клином не сошелся.

Мне казалось, что Элис действительно заслуживала лучшего, чем этот невыразительный парень.

– Ничего ты не понимаешь, – отмахнулась соседка, и я решила не спорить. Кое в чем я понимала побольше некоторых рыжих.

С раздачи мы подошли к общему столу, где многие отметили, что Элис сегодня просто преобразилась. Но не Алекс. Он на подругу и не глянул толком. И мне так обидно стало! Я все утро старалась, встала рано, а он в упор не замечает!

– Алекс, – позвала я однокурсника, – тебе не кажется, что Элис сегодня особенно хорошо выглядит?

Парень впервые бросил взгляд на девушку, тут же смутившуюся, и рассеянно кивнул. И это все?

– Посмотри получше, ей же идет, правда? – с нажимом продолжила я.

Элис, сидевшая рядом, начала пихать меня под стол. Но если Алекс сейчас не оценит мои старания, то соседка может отказаться со мной заниматься. А у нас все так неплохо началось.

– Да, – теперь Алекс хотя бы взялся за труд рассмотреть прическу. – Очень милые косички, это ты сделала?

– Как ты догадался?

– А мы уже знаем, что вы теперь вместе с Элис в одной комнате живете. А я еще с первого курса заметил, что у тебя прически хорошо получаются, и сейчас тоже отлично волосы уложены.

На этом Элис встала, рывком подняла поднос со стола, едва не расплескав нетронутую кашу, и ушла. Кажется, я все

сделала не так.

– Знаешь, Алекс, – я посмотрела однокурснику в глаза, – какой же ты дурак.

13. Задание

Мне показалось, однокурсник так и не понял, в чем он прокололся. И что Элис в нем только нашла? Алекс еще пару раз пытался со мной заговорить за завтраком, но я к поддержанию разговора не стремилась, как и не собиралась отвечать, почему переехала из одноместной комнаты. Теперь у меня не одна проблема, а две: цербер и обиженная соседка. Вот и думай, кто страшнее.

В зоосад я заходила с некоторой опаской, но нападать никто не спешил, Элис меня показательно игнорировала. Местор Альдер с постным лицом посмотрел на мое задание, потом на меня, но ничего высказывать не стал. Ладно, письменную часть у меня, вроде, приняли.

Дальше пошел черед практических работ. И ведь у всех звери как звери: саламандры, огненные игуаны, фениксы, искрицы – это небольшие огненные зверьки, больше всего своей рыжиной напоминающие лис, и другие мелкие, относительно неопасные существа.

Все преспокойно сдавали свои задания, с упоением рассказывая, как махаон-огневик специальными ферментами вырабатывает тепло, свет и даже небольшие искры, тянущиеся за ним в полете, словно хвост за кометой. Бабочка порхала вокруг студентов, а те с улыбками наблюдали за огневиком. Красота.

Я предсказуемо оказалась в конце списка, когда народ, в большинстве успешно сдавший задания, расслабился и галдел, обсуждая что-то свое. И вот главный смотритель зоосада Академии вывел на поводке трехглавого цербера. Я сглотнула, воочию увидев «задание».

Сказать, что большой трехглавый цербер здоровый – ничего не сказать. Его морды находились на одном уровне с моим лицом, три пары красных глаз медленно обвели взглядом присутствующих и как-то безошибочно остановились на мне. Я сглотнула.

По небольшой поляне в крытом павильоне, где проходило практическое занятие, легким ветром пронеслись шепотки. Все гадали, кому же это чудовище досталось.

Я посмотрела на невозмутимо стоящего завкафедрой, совершенно спокойно ожидающего моего выхода. Местор Альдер поднял черную бровь, глядя, как я мешкаю и совсем не спешу идти в центр защитного круга, где меня поджидал цербер.

Ушедшие, какой же он огромный! Черная шерсть с красными подпалинами и горящие глаза делали вид зверя откровенно зловещим.

– Леди Риар, вы готовы к защите? – в голосе преподавателя сквозила насмешка.

Он явно специально подобрал такого зверя, чтобы в очередной раз доказать, что на его кафедре мне не место.

Нет уж! Если я и решусь перевестись, то не потому, что

струсила. Раз цербер живет в Академии, значит, пока никого не съел. Надеюсь.

– Готова, – выкрикнула я.

Все обернулись, не веря, что чудовище действительно мое.

В круг я шла как на эшафот. Ноги и все тело были деревянными, пульс отстукивал в висках. У белой черты, которая должна отсечь нас с цербером от остальных зрителей, смотритель передал мне поводок. Вид у немолодого мужчины был одновременно недовольный и озабоченный.

– Вы его не бойтесь, леди, он у нас смирный, – проговорил смотритель, всучив мне цепь, – но вы там все равно поосторожнее.

Мужчина был невысокий и коренастый, с большими сильными руками, но вряд ли он сможет удержать такого зверя, вздумай цербер взбеситься. Разве что магией усмирит. Успеет ли в случае чего?

– Леди Риар, – окликнул завкафедрой, когда мне остался один последний шаг. – Вы уверены?

Я даже отвечать ничего не стала, его вопрос неожиданно придал мне сил. Уверена. Процент на пять. Но отступить перед всеми означало опозориться, выставить себя трусихой. А хуже всего – признать, что местор оказался прав относительно меня.

Стоило зайти за черту – вокруг вспыхнула защита. Я вздрогнула, а цербер и глазом не повел, ни одним из шести.

Для начала мне предстояло наладить с ним контакт, и именно здесь заключалась первая трудность: я, конечно, неплохой эмпат, но у трехглавого цербера три сознания. Три! А еще вокруг множество людей, слишком пристально за мной наблюдающих. Стоило чуть ослабить эмпатические щиты, как поток чужих эмоций: волнение, злорадство, переживание, предвкушение и много чего еще обрушился разом. Эмпатией тоже надо уметь пользоваться.

Видимо, решив не дожидаться, пока я созрею для активных действий, цербер шагнул навстречу и втянул широкими ноздрями воздух. Не отшатнулась я лишь потому, что от страха ноги приросли к полу. Но пока зверь вел себя достаточно дружелюбно. Так, надо на него настроиться.

Проще всего наладить контакт через прикосновение, но... нет.

Цербер, поняв, что активных действий от меня не дождешься, вздохнул одной головой, второй зевнул, третьей тряхнул, сел и обернул себя длинным хвостом. Потом поднял заднюю лапу и принялся методично, по очереди, чесать каждую голову. Средняя голова, видимо, не сильно чесалась, она даже рыкнула на ногу, и та тут же переместилась к правой морде, а вот уж эта морда всюю пользовалась моментом, закатывая глаза от удовольствия. Забавно.

Вроде, не так уж и страшно.

– Ладно, – сказала я себе и церберу, – давай попробуем. Тот сразу же заинтересовался и прекратил чесаться.

Немного приободрившись, я все-таки протянула к церберу руку, без этого не смогу наладить с ним эмпатический контакт в присутствии стольких людей. Осторожно, плавно, без резких движений, и мокрый теплый нос сам ткнулся мне в раскрытую ладонь. Я на секунду замерла, а потом выдохнула. Заодно запустила поверхностную диагностику – преподаватель точно спросит про общее состояние здоровья. Цербер был здоров, но, как мне показалось, давно не молод, это чувствовалось по работе сердца, почкам, печени, уже неплохо послужившим мохнатому хозяину. Да, он, наверное, столько студентов на своем веку перевидал...

И теплая волна эмоций зверя подтвердила мои догадки: старый добродушный пес. Три пса. Один, правда, себе на уме, левая голова не особо ластилась, предпочитая держаться от незнакомки на расстоянии, зато центральная очень даже дружелюбная. А правая так и вовсе напонила, что я отвлекла ее от важного дела – чесания, так что теперь должна компенсировать ей неудобства. И еще вот тут за ухом, да.

К концу сеанса почесывания даже левая голова, заревновав, ткнулась мне под руку, чтобы и ее не забыли погладить.

– А теперь все сидим смирно, – попросила я, эмпатически усилив просьбу.

Зверь послушно замер, только хвост мотался туда-сюда.

– Я готова к защите, – торжественно произнесла я, как клятву, громко и четко.

– Начните с особенностей физиологии, – скомандовал ме-

стор.

Не зря Элис заставила меня все прочесть. Я глазами нашла соседку, та стояла напряженная и кусала губы. Переживает за меня, значит, не так уж и сильно злится.

– Три головы большого трехглавого цербера усложняют строение скелета, дыхательной системы и пищеварительного тракта. Для трех шей приспособлен развитый плечевой пояс и мощная грудная клетка, стоит отметить легкие, более крупные и мощные, чем у других животных аналогичных размеров. Дыхание у трех голов стандартное, и легкие должны справляться с тройным потоком поступающего воздуха. Это одна из причин, благодаря которой церберы отличаются высокой выносливостью...

В какой-то момент я поймала кураж – как все-таки приятно готовиться к занятиям и хорошо отвечать! Я легко справилась с физиологией, особенностями дрессировки, разведением, содержанием, кормлением, а также рассказала про сдерживающие артефакты.

Для пущей наглядности артефакты-ошейники с каждой шеи я сняла, цербер сразу оживился, но он явно был хорошо воспитан, да и староват для резких вспышек, но все же мы с ним продемонстрировали небольшое воспламенение и гашение огненной магии. Цербер выпустил пламя, а я забрала у него излишки магии, будто глотнув кипятка. Неприятно, но задание я полностью сдала и ожидала решение преподавателя.

– Неплохо, – вынужденно признал завкафедрой и что-то черкнул в своих заметках.

Я стиснула зубы, цербер под моей рукой напрягся, шерсть стала жесткая и острая, как иголки. Я осторожно провела по вздыбившейся холке, успокаивая зверя. Но трудно кого-то успокоить, когда у самой внутри все бурлит от негодования.

– По-моему, студентка выступила отлично, – неожиданно для меня вмешался наблюдатель, все это время напряженно наблюдавший за нашим дуэтом. Или, с учетом трехглавости цербера, у нас был квартет? – Не каждый маг и эмпат с таким зверем совладает.

Хоть кто-то оценил мои старания! Я благодарно улыбнулась мужчине.

– Ей просто повезло, – небрежно бросил преподаватель.

И тут меня ощутимо потрянуло. Почему он не упускает случая ткнуть носом в неудачи или ошибки, а отметить явные заслуги не может?!

Что случилось дальше, я не осознала, то есть не успела понять и принять какие-нибудь меры. Просто ошейники-ограничители были сняты, как и мои эмпатические щиты, и ничего не удерживало цербера от настоящего воспламенения, не для зачета, а мощного выброса пламени. Я нутром почувствовала, как зарождается огонь внутри зверя.

«Сейчас полыхнет», – как-то отстраненно подумала я.

А между мной и остальными – щит, который среагировал на угрозу мгновенно и уплотнился, не пропуская никого и

ничего.

– Риар! В сторону! – краем глаза я видела, как отбрасывает свои бумаги и срывается с места завкафедрой.

Смотритель буквально врывается в щит, пытаясь его продавить.

В итоге я даже не поняла, что именно случилось. Из-под щита меня буквально выкинуло на местора Альдера, мы вместе рухнули на землю. Пламя цербера билось под щитом, но недолго, смотритель-таки сумел до него добраться, вытащить излишки магии, как я недавно, и застегнуть ошейники.

Цербера вывели, студенты с наслаждением обсуждали увиденное, я сидела на земле, обхватив себя руками, и мелко тряслась.

– Все свободны! – объявил местор, и народ разочарованно потянулся к выходу.

– Вы как? – завкафедрой сел напротив меня на корточки и протянул бутылку с водой.

Пить хотелось, но пальцы не слушались, не получалось открыть крышку. Тогда преподаватель взял у меня бутылку, открутил крышку и вернул. А я уж подумала, что он и напоить сам попробует.

– Так как вы себя чувствуете, леди? – по-моему, впервые за месяцы работы местора Альдера на должности завкафедрой я слышала в его голосе искреннее участие.

– Нормально, – я кое-как закрутила крышку и отставила бутылку.

– Тогда что за выброс мы сейчас наблюдали? – прищурился местор.

– Это случайность, и вообще, вы меня спровоцировали! – я все еще прокручивала в голове произошедшее.

Я была на волоске от гибели, а все этот изверг, по недоразумению ставший преподавателем!

– Снова я виноват? – усмехнулся завкафедрой, но тут же посерьезнел. – С вами такое случилось в последнее время? Потеря контроля над стихийной магией?

– Нет, хотя... – я вспомнила утреннее происшествие в душе.

Было ли это из-за меня?

– Значит, все-таки да, – сделал вывод завкафедрой. – И как давно?

– Да нет, это все случайности, я умею себя контролировать! – попробовала убедить преподавателя.

Он и так меня бестолочью считает, теперь решит, что я совсем неумеха, которая с собственной магией не справляется!

– Леди, а ответьте мне, только честно, – какое нехорошее начало фразы, сразу ожидаешь каверзного вопроса. – Вы не беременны?

Ничего себе заявочки! Такой наглости я не ожидала даже от завкафедрой, у меня аж дыхание перехватило от возмущения. Но местор на полном серьезе ждал ответ, и моя злость неожиданно сменилась желанием поиздеваться над

ним в ответ. Не все же ему надо мной.

– Если только от вас, – выдала я и даже взгляд темных глаз выдержала.

Ну, местор, что на это скажете?

– Я задал серьезный вопрос, – нахмурился преподаватель. – Дайте руку.

Для диагностики требуется физический контакт, но я не спешила, решив за все отыграться.

– А если да – женитесь на мне как честный человек?

– У вас, смотрю, все совсем плохо с целительством. От лежания в одной постели дети не появляются.

И все же местор явно не был так уверен, как хотел показать.

Мою руку он схватил сам и слегка дернул на себя. Я скринулась от такого обращения с потенциально беременной. Но по руке сразу потекло успокаивающее и ласкающее кожу тепло, тут же захотелось расслабиться, лечь и закрыть глаза. Целительские заклинания почти все такие: пациент должен доверять тому, кто его лечит.

– Физиологически вы в норме и не беременны, – сделал очевидный вывод завкафедрой, отпустив мою ладонь. – Но психологическое истощение присутствует, и оно дает о себе знать ослаблением контроля над магией.

Местор внимательно осмотрел меня с ног до головы, а потом неожиданно сел рядом. И вот это меня насторожило. Но пока я была не слишком уверена в своих ногах, чтобы под-

ниматься и уходить.

– Леди Риар, объясните, что у вас происходит? – вопрос ожидаемый, но с завкафедрой я откровенничать не собиралась.

Он пока мое доверие не заслужил.

– У меня все отлично, – бодро отрапортовала я.

– Отлично? – переспросил местор Альдер. – Давайте посмотрим на ваше «отлично»: сначала вызов тайной стражи, по какому поводу, кстати говоря?

– По исключительно личному.

Местор покачал головой, но продолжил.

– Потом вы перестаете оплачивать комнату и съезжаете в бесплатную. В довершение всего беретесь за учебу. Даже одного из этих пунктов достаточно, чтобы окружающие напрыглись, а все три заставляют нервничать.

– Не нервничайте, вам же не нужны проблемы с контролем, – поддела преподавателя я.

Раз уж у нас такой неформальный разговор в зоосаде на траве.

– А ведь я мог бы вам помочь, – продолжил местор.

– Вы мне очень поможете, если прекратите мешать учиться, постоянно цепляться и давать самые трудные задания.

– Леди, отчего вы так упрямы? – вздохнул завкафедрой. – В любом случае, я ваш руководитель, и при необходимости вы имеете полное право ко мне обратиться, если вам что-нибудь нужно.

– Мне нужен тазик, – вспомнила я. – А еще теплый халат. И полотенце.

Наверняка, еще что-нибудь, но пока это, из насущного.

– Вы ушли из дома? Ваша семья вас больше не поддерживает? – не унимался местор.

– Можно и так сказать.

– Тогда смело переводитесь на стихийную или темную магию. Там вас, как перспективную ученицу, всем обеспечат, а на темной магии еще и стипендию дадут, если продолжите хорошо учиться.

Я исподлобья посмотрела на завкафедрой.

– Нет, местор, простите, но я не могу покинуть любимый факультет и кафедру зооцелительства. Знаете, всю жизнь мечтала стать целителем, так что еще годик вам придется меня потерпеть.

– И кому вы делаете хуже?

– Но ведь я сегодня справилась, так? – я подалась к преподавателю.

– Предположим, – местор не был рад моим успехам.

– Хорошо справилась, – продолжила я.

– Неплохо, леди, вы справились неплохо. Да, вы умеете взаимодействовать с животными, но это не значит, что вы так же успешно сможете их лечить.

– Это мы еще посмотрим, – заявила я и начала подбирать юбку, чтобы встать с травы.

Все же в павильоне совсем не жарко. Пусть тут и греют

воздух специальные артефакты, но земля холодная.

Как ни странно, местор легко поднялся первым и протянул мне руку совершенно естественным, не нарочитым жестом. И я так же спокойно ее приняла. И только потом подумала, что преподаватель вовсе не обязан проявлять галантность.

– Я искренне надеюсь, что вы не совершаете еще большую ошибку, чем я думаю, – сказал на прощание местор Альдер, разом испортив только-только сложившееся о нем впечатление.

Впрочем, я сама на это надеялась, и, будучи особо заинтересованной персоной, намного сильнее, чем всякие завкафедрой.

14. Поверенный

Завкафедрой ушел, я же осталась в одиночестве с невеселыми мыслями: из-за выпавших на мою долю переживаний я теряю контроль над магией. Раньше со мной такого не случалось, впрочем, мне и волноваться так не приходилось. Надо как-то брать себя в руки и действовать аккуратнее.

Но для начала следует вернуть должок: завернутый в салфетку эклер лежал в моей сумке, так что загляну к фениксам, как раз до обеда успею.

Фениксы нашлись в своем вольере, да вот только их почему-то оказалось всего четыре. Пятый, самый здоровый, так выручивший меня на прошлом занятии, отсутствовал. Я даже просканировала ближайшую местность: феникса-смеска в пределах действия заклинания не нашлось.

И тогда мне пришла в голову запоздалая мысль: завкафедрой его скорее всего у кого-то позаимствовал на время занятия. Фениксы, конечно, существа смышленные, но, чтобы общаться мыслеобразами, нужно постоянно взаимодействовать с человеком, такой навык достигается почти всегда только дрессировкой. Встречаются животные, с рождения умеющие общаться мыслеобразами, но это скорее исключение, чем правило.

В итоге эклер мы разделили с оставшимися четырьмя фениксами пополам: половину мне, остальное по кусочку каж-

дому из них.

Теперь стоило зайти в комнату и переодеться, так как юбка после сидения на траве несколько утратила свой вид, да и пахло от меня паленым: воспламенение цербера бесследно не проходит.

В новое жилье я шла, гадая, злится на меня Элис или очень злится? Наверное, стоило оставить последний эклер ей, но у меня, если что, еще конфеты имелись, чтобы как-то загладить фиаско с Алексом. А еще надо бы как-то поговорить с одноклассником, донести до него, какая Элис замечательная и что стоит обратить на нее внимание.

В комнату я заходила, готовая в любую секунду поднять магический щит. Вот только нападать Элис не спешила. Стоило мне зайти, как соседка встала с кровати, на которой валялась с учебником, и подошла ко мне. Щит я держала наготове.

– Ты как? – она внимательно оглядела меня с ног до головы.

– Жива: ни цербер, ни завкафедрой, как видишь, не съели, – попробовала пошутить я.

– Тебя съешь, скорее подавишься, – улыбнулась рыжая.

– А ты почему косу расплела? – на голове у Элис снова была копна торчащих волос. – Тебе не понравилась прическа? Хочешь, я тебе что-нибудь другое сделаю? Как раз до обеда успеем.

Девушка поморщилась и отвернулась.

– Не надо ничего, – буркнула под нос соседка.

– Почему? Ты так легко сдаешься? Все отметили, что ты отлично выглядишь, так почему бы не продолжить в том же духе? И не для Алекса, раз он такой балбес. Хорошо выглядеть ты должна прежде всего для себя – усвой это. А теперь садись на стул, с твоими волосами однозначно надо что-то делать.

И я потащила вяло упирающуюся соседку к стулу, усадила и достала расческу.

– Тебе бы бальзамчики какие-нибудь не помешали, а то волосы густые, но слишком сухие, вот и путаются постоянно. И не обязательно дорогие, репейное масло в любой аптеке за четверть марки продается, особых усилий в применении не требует.

– Чтобы, как ты, по полчаса в душе его отмывать? – вспомнила утренний инцидент соседка.

– Можно найти время, когда душ не так занят, – выкрутилась я.

На это Элис пробубнила что-то недовольное, к уходу за собой она явно не приучена, да и когда, если целыми днями за учебой просиживаешь?

Зато к обеду мы обе вышли переодетые и причесанные, своей соседкой я осталась довольна. Пусть Элис и не отнесешь к милым и приветливым девушкам, но в целом она оказалась очень даже неплохой.

За обедом меня традиционно закидали вопросами, о чем

мы беседовали с местором. Спрашивали больше всех однокурсницы, понятно, что у них молодой преподаватель был объектом особого интереса. И, разумеется, все снова начали выдвигать версии, почему завкафедрой оказывает мне знаки внимания – дает сложные задания. На самом деле, до сегодняшнего эпизода с цербером я смело могла отрешиваться от любых странных и романтических версий, но теперь его повышенное внимание стало слишком очевидным. Дать цербера девушке, явно вывести ее из себя, а потом броситься ее спасать – и все это просто так, без какой-либо подоплеки...

В такое бы даже я не поверила, но мне-то правда известна: местор просто выживает меня со своей кафедры. Но я упрямо стояла на своем: у нас ничего нет и быть не может, а это все совпадения и не более. И все бы ничего, но к концу обеда ко мне подошла лаборантка кафедры, которая уже вызывала один раз к местору Альдеру.

– Завкафедрой просил зайти к нему после обеда, – с пренебрежением бросила она, наверняка тоже завидуя.

Было бы чему, в самом-то деле!

И все снова уставились на меня. Что за напасть? Или это новый способ изводить? Надо бы попросить местора поменьше обращать на меня внимание. Только вряд ли он послушается.

Пришлось быстро доедать и уходить, не дожидаясь новой волны расспросов.

В кабинет зашла, едва постучав, без приглашения. Чест-

ное слово, подобное поведение преподавателя злило до зубовного скрежета. Только с ним разговаривали, если и не нашли общий язык, то хотя бы пришли к какому-то нейтралитету. Мне так показалось, во всяком случае. И вот и двух часов не прошло, как его магичество снова пожелал меня видеть.

– Вызывали, местор? – сходу спросила я.

– Да, леди, – преподаватель оторвался от записей. – Я решил проявить о вас заботу, как подобает куратору, так что можете забирать.

И местор кивнул в угол, где стоял... таз. Медный, довольно объемный, литров на десять. Я его даже потрогала для верности – точно не мерещится? А в тазу лежало махровое полотенце, свернутое и упакованное в бумагу, явно новенькое.

– Это все мне? – не поверила я. – Вы их для меня купили?

– Не купил, – поправил завкафедрой. – Взял в хозяйственном корпусе на свое имя, студентам тазы с полотенцами не положены, они должны собственные иметь. Поэтому в конце обучения не забудьте вернуть. В целости и сохранности, – подчеркнул местор.

– Что можно сделать с тазом? – удивилась я.

С полотенцем-то я еще могла представить, но таз?

– Я не удивлюсь, если что-то сможете. Так вы берете?

– Конечно!

Я схватила таз и прижала его к груди. Надо же, тазов мне

еще никогда не дарили, то есть не одалживали с возвратом. А полотенце так и подавно!

– Спасибо, местор!

– Пользуйтесь, – и завкафедрой снова уткнулся в бумаги, показывая, что разговор окончен.

Я же вышла из его кабинета, по-прежнему прижимая и обнимая таз, ведь он означал намного больше, чем просто проявление заботы. Это значит, что местор Альдер наконец смирился с моей учебой на его кафедре! И это была моя первая маленькая самостоятельная победа.

В комнате меня уже ждала Элис.

– Ну как все прошло? Зачем тебя местор вызывал? – набросилась с вопросами соседка. – И когда ты успела таз достать?

– Собственно, за этим и вызывал, – я бережно поставила свой тазик в угол. – Я местору сказала, что у меня вещей нет, вот он и позаботился, – а еще я про халат говорила, но, видимо, на складе не нашлось.

– Он тебе таз с полотенцем подарил?! – у Элис глаза на лоб полезли.

– Он их для меня в хозяйственной части взял.

– Таз – возможно, – соседка разглядывала обновки. – А полотенце явно купленное, посмотри, тут ценник был и этикетка.

На обычной упаковочной бумаге действительно раньше было что-то наклеено.

А когда полотенце мы развернули, то я пришла к выводу, что рыжая права: вряд ли Академия закупала такие дорогие и качественные вещи. Полотенце оказалось мягчайшим и пушистым, в него так и хотелось уткнуться. Правда, темно-серый цвет не очень радовал глаз: видимо, местор полотенце для себя покупал.

– Элиза, а у вас с завкафедрой точно...

– Точно! Элис, хоть ты мне поверь! – взмолилась я. – Только про тазик и полотенце больше никому не рассказывай.

А то потом сплетен не оберешься.

Соседка выразительно посмотрела на меня, но ничего спрашивать не стала.

На завтра у меня заданий не было, разумеется, не считая изучения ранее пройденного за годы учебы. Но я не Элис, чтобы просиживать вечера за книгами, и у меня имелись дела поважнее: старый дом и встреча с поверенным. К тому же еще вся ночь впереди, успеется.

Так что я взяла папку с документами, попрощалась с соседкой до вечера и под ее неодобрительным взглядом пошла на встречу.

Контора нашего поверенного, Алана Шера, располагалась в центре города. Не сказать, чтобы большая или шикарная, но все же уютная и со вкусом подобранная обстановка производила приятное впечатление. Правда, когда ждешь больше часа при отсутствии других посетителей и под постоян-

ные извинения помощницы, что господин Шер очень занят каким-то важным делом, впечатление несколько портится...

Но я точно знала, что не уйду, и через полтора часа все-таки прошла в кабинет.

– Леди Риар, – мужчина встал и помог мне сесть.

Обычный человек без магии, уже давно не молодой, но следящий за собой, а потому весьма неплохо выглядящий для своих сорока с хвостиком лет. Сшитый на заказ костюм скрывал некоторые недостатки фигуры, а зачесанные темные волосы – наметившуюся лысину. И все же холодный взгляд поверх очков и крепко сцепленные пальцы показывали, что особой приветливости в нем не было. И моя эмпатия это только подтверждала. Раздражение – вот главная эмоция, исходившая от поверенного.

– Я благодарю, что нашли для меня время, мистер Шер. И я к вам совсем не надолго, – просить о помощи и унижаться совершенно не собиралась. К тому же этот человек точно не станет мне помогать, в этом сомневаться не приходилось. – Вот документы на наш старый дом. Я бы хотела понять, принадлежит ли он сейчас моей семье и что с его залогом Миасскому банку.

Я придвинула папку поверенному. Мужчина открыл ее, привычным жестом поправил очки, пробежался взглядом по первому же листу и со вздохом закрыл.

– Это непростая история, леди, я бы рекомендовал вам в нее не лезть. Особенно, с учетом всех обвинений, выдвину-

тых против ваших родителей.

– И все же, – сдаваться так легко я не собиралась. – Почему родители не продали дом?

– Банк не позволил. Я начал работать с вашими родителями много позже этой кабальной сделки, даже несколько раз предлагал им пересмотреть условия залога – вполне распространенная практика, к слову. Но они всегда отказывались. По соглашению, продать дом возможно только с разрешения Миасского банка.

– Неужели они за столько лет не выплатили залог?

– Я не вникал в суть, ваш отец всегда отвечал категорическим отказом на мои предложения как-то изменить ситуацию, но залог заключался не в этом. Дом был своего рода гарантом исполнения вашими родителями обязательств перед банком. И деньги, которые ваша семья переводила за него, шли на поддержание строения. Главным образом – защитных плетений и чар вокруг здания. Защиту обеспечивал непосредственно Миасский банк.

А вот это сюрприз! Что же за защита стоит на нашем доме? И что там такого защищать? Не припомню какие-то ценные коллекции или другие важные вещи.

– Я правильно понимаю, что Миасский банк хранит наш дом?

– Правильно. Саму сделку я бы скорее сравнил со сдачей имущества в ломбард, нежели в залог, на долговременное хранение без права пользования или продажи. Но и у ва-

шей семьи права на недвижимость отчуждались и переходили банку. Именно поэтому ваш старый дом тайная стража и не смогла арестовать – он в залоге. А Миасский банк сейчас под патронажем короны. Слышал, что наследники пытаются как-то отсудить себе долю в нем, но, если слухи про заговор не врут, вряд ли смогут. Поэтому статус вашего дома пока неясен. Он вполне может быть отнесен к активам банка. А значит – является государственной собственностью.

– А если я попробую на него претендовать?

– Я вам этого делать не советую. Да и не думаю, что тяжба с государством того стоит. На вашем месте я бы скорее окончательно передал банку дом, получил бы за него причитающиеся средства и забыл о его существовании.

Ему легко говорить. А я не могу так просто отказаться от дома, особенно теперь, когда история от поверенного только подогрела мой интерес. Я примерно понимаю, в обеспечение каких обязательств банк забрал себе недвижимость, наверняка тех самых, за которые родителей сейчас судят. Но почему именно он? Дом же не представлял особой ценности, что за странный выбор? Или я чего-то не знаю?

– Правильно я понимаю, леди, вы не собираетесь так просто отказываться от дома? – господин Шер снял очки, достал мягкую тряпицу и принялся протирать и без того идеально прозрачные линзы.

– Я бы хотела для начала на него взглянуть, чтобы понимать, от чего я отказываюсь. Возможно, он в таком состоя-

нии, что цепляться не стоит.

– Я так и предполагал, – кивнул мужчина и встал, оставив очки в покое.

В его кабинете среди шкафов стоял вместительный сейф. Из его глубин господин Шер извлек ключ и какую-то бляху.

– Это для входа в дом. Ваш отец не желал хранить комплект у себя именно потому, что дома вы можете их найти, чего лорду Риару совсем не хотелось.

– Почему? – что такого в доме, о чем я не должна знать?

– Он не рассказывал, – пожал плечами поверенный, – но наше сотрудничество началось именно из-за ключей, которые он не мог ни отдать банку, ни оставить себе. Не знаю, следует ли мне отдавать их прямо сейчас, но, с ними или без, в дом вы все равно войдете, верно?

– Да, – я улыбнулась и взяла ключи с магической печатью – металлической пластиной, покрытой узорами.

Печать сразу отозвалась в руке странной вибрацией, я с такими заклинаниями прежде не сталкивалась. И если до этого момента я не верила, что дом серьезно охраняется, то теперь наглядно убедилась в правдивости слов поверенного.

– Леди, – господин Шер проводил меня до двери. – Если все-таки решите вернуть дом, то, как бы это ни звучало, дождитесь окончания процесса, принятия решения по делу и его оглашения, тогда его не конфискуют вместе с остальным имуществом.

От совета по спине пробежал холодок, но я кивнула.

Осталось посмотреть, что же такого секретного хранится в нашем старом доме, ради чего можно заявить на него свои права.

15. Воспоминания

Сверившись с адресом в документах, я убрала папку и металлическую пластину в сумку. В нашем старом доме я не была больше десяти лет. Тем удивительнее, что ноги сами привели меня к нужному месту. А дом-то почти не изменился. Если и обветшал, то совсем немного. Он, прямо скажем, и в мое детство вид имел запущенный. Кажется, среди заклинаний на нем просматривалось какое-то поддерживающее, похожее на стазис, но не столь мощное. И чем дольше я рассматривала плетения, тем сильнее мне делалось не по себе. Вокруг стояло множество богатых домов, но ни один не мог похвастаться подобной охранной магией.

Калитку я прошла относительно нормально, а вот на пороге начались странности. Магия уплотнилась, ключ в замке не проворачивался, а что делать с железной бляхой, покрытой вязью рун и символов, – я не представляла, а она никак себя не проявляла. С ключом я возилась минут пять, пока калитка за спиной не скрипнула и по мощеной дорожке к дому не послышались множественные шаги.

Стоило мне обернуться, как я оказалась скована, а стража из трех человек – обычная, не тайная – перекрыла мне пространство для маневра.

– Следуйте за нами, – раздался четкий приказ.

– Вы в своем уме? – стража обычная, а наручники явно

артефактные, блокирующие магию. – По какому праву? Это мой дом!

– В отделении разберемся, – страж до боли сжал предплечье и потащил на выход.

И как я ни пыталась сопротивляться или что-то объяснить, слушать меня никто не желал.

– Да отпустите! – я уперлась, но в ответ так дернули, что едва не упала на мостовую. И упала бы, если случайный прохожий не подхватил меня и не удержал.

– Что происходит? Куда вы ведете девушку? – рыжий молодой человек встал между мной и стражами, сразу же потянувшись к оружию. – Саймон Бертран, тайная стража, – и протянул свой значок с оскаленным арнаудским волкодавом.

– Мы ее поймали во время проникновения на территорию охраняемого объекта, – попытался объяснить страж, наверное, главный из тройки.

– Это мой дом! У меня есть ключи и документы! – вылезла вперед я.

– Отпустите леди, мы сами разберемся, – скомандовал рыжий страж коллегам, и те нехотя расстегнули браслеты на моих запястьях.

Тройка удалилась, а мы с тайным стражем остались. И не сказать, чтобы я была сильно рада такой замене.

– Вы в порядке, леди Риар? – этот страж хотя бы нападать не спешил.

– Вы меня знаете? – одежда на страже была самая обыч-

ная, повседневная: туфли, темные брюки, белая рубашка, куртка и шейный платок. Но на лицо он точно был мне знаком. Только где и когда мы с ним виделись?

– Вы меня не помните? – рыжий молодой человек, на вид ему было лет двадцать пять, нахмурился. – Впрочем, ничего удивительного. Я, – страж замялся, – я провожал вас на встречу с родителями в отделении.

Точно, как я сразу его не узнала? И невольно сделала шаг назад. И без того не желала иметь ничего общего с тайной стражей, а с теми, кто ведет дело родителей – вдвойне.

– Благодарю за помощь. Вы меня отпускаете? – задерживаться с ним дольше необходимого не хотелось.

– Пока нет. Я бы хотел узнать, что это за дом и почему стража получила сигнал о проникновении. Только не здесь, – мы стояли посреди улицы, страж оглянулся в поисках места, куда можно зайти. – Давайте сядем за столик в кафе, и вы мне все объясните.

– А если откажусь? – почему я вообще должна оправдываться? Я же в свой дом пришла, а не в чужой вламывалась.

– Леди, поверьте, я хочу помочь, – терпеливо ответил страж. – Если все так, как вы говорите, то я не просто вас отпущу, но и помогу. На дом наложены охранные заклинания, и вы их не сняли, раз ближайший отряд стражей получил вызов. А я знаю, как это делается. Ну так что?

– Хорошо, – нехотя согласилась я.

Не хватало еще, чтобы я опять сделала что-то не так. В

следующий раз стража вполне может довести меня до ближайшего отделения и обвинить в воровстве. То-то будет весело, если об этом признают в Академии...

В кафе Саймон любезно заказал два кофе и попросил документы, ключи и бляху от охранной системы.

– Все верно, леди. Я потом сообщу городской страже, что произошло недоразумение. А теперь пойдемте открывать ваш дом. Как только допьете кофе, конечно, – страж, непонятно зачем приведший меня сюда, не накормить же, право слово, подвинул ко мне ароматный дымящийся напиток.

– Спасибо, – осторожно поблагодарила я, но к кофе не притронулась, как бы ни хотелось. – А почему вы мне помогаете? И как вы вообще оказались в нужном месте и в нужное время?

Неужели тайная стража не до конца уверилась в моей непричастности и установила слежку?

– А разве я не мог просто проходить мимо, узнать вас и решить помочь? – удивился мужчина.

– Обойдусь без вашей помощи, – я встала и убрала вещи обратно в сумку. – Боюсь, помощь тайной стражи может слишком дорого мне обойтись.

– Леди, о чем вы? – вполне искренне удивился молодой человек. – Я не собирался ничего такого делать, просто хотел помочь. Представляю, каково вам сейчас.

– Да что вы можете представлять? – почти разозлилась я,

собираясь уйти.

Их таким странным подходам в Академии учат?

После всего случившегося в бескорыстие случайного человека, ставшего свидетелем моего горя, верилось слабо. Пусть в учебе я никогда не блистала, но и душой не была.

– Могу, – твердо ответил страж. – Моих родителей не стало, когда мне едва исполнилось десять. Они были торговцами, на их магазин напали грабители... Потом я жил у дальних родственников, а в пятнадцать приехал в столицу поступать в Академию магии.

И, судя по всему, ему тоже пришлось несладко.

Я стала внимательно рассматривать молодого человека. Полностью рыжий: и чуть выющиеся волосы, и брови, и ресницы. Веснушки на лице выглядели брызгами краски, разлетевшимися по лбу, носу и щекам. Голубые глаза, но не светлые, почти прозрачные, а яркие и насыщенные. Пухлые губы сейчас чуть обиженно надуты, видимо, его задели мои слова. Если бы не четкие скулы и волевой подбородок, образ был бы совсем милый, даже какой-то девчачий, но парень выглядел достаточно мужественно. А еще он прямо смотрел на меня без неуместной для постороннего человека жалости. Наверное, страж решил сделать доброе дело, не прошел мимо, а я, как обычно, сначала говорю, а уж потом думаю.

– Простите, – я вздохнула, как смогла, улыбнулась, села обратно на стул и взяла в руки чашку. – Я не хотела вас обидеть, просто так получилось.

Как у меня постоянно и бывает.

– Ничего, – страж примирительно улыбнулся в ответ. – Допивайте кофе и идем открывать дом. Чтобы мне потом снова не пришлось отбивать вас у патрульного отряда.

Кофе был вкусный, даже жаль его так быстро пить, но мне ужасно не терпелось поскорее попасть в дом. Саймон только улыбнулся, глядя, как я в три глотка осушила чашку и поставила на стол. А еще расплатился, за что я была ему особенно признательна, у меня ведь каждая марка сейчас на счету.

И вот я во второй раз за день открываю кованую калитку и прохожу в заросший и одичавший за годы сад.

– Это ваш дом? – Страж недоуменно смотрел на заброшенный особняк.

Да, прямо скажем, не дворец.

– Моя семья долго им не занималась, поэтому он в таком плачевном состоянии.

– Дело не в его внешнем виде, – Саймон нахмурился, – внутри... беспокойно.

– Вот и узнаем, что там внутри, – я решительно подошла к входной двери. Не удивлюсь, если там поселились какие-нибудь грызуны, а то и магические вредители. Чувствую, решив в него въехать – предстоит грандиозная уборка.

Молодой человек посмотрел по сторонам и на всякий случай прикрыл нас отводом глаз, затем взял ключи и бляху. И вот самая толика магии – и охранные чары сняты, а ключ в двери проворачивается без каких-либо усилий.

Я с предвкушением потянула ручку на себя и шагнула внутрь. С порога меня окутал какой-то неестественный сумрак, а застоявшийся воздух и смутно знакомый запах одурманили сознание. Все казалось таким родным и знакомым, будто я ушла отсюда совсем недавно, а не десять с лишним лет назад. Перед глазами сами собой начали всплывать образы, старые, размытые, искаженные, как в кривом зеркале в парке аттракционов. Не думая, что творю, я опустила все эмпатические щиты разом, подаваясь навстречу воспоминаниям и витающим вокруг эмоциям.

Вот маленькая и зареванная я, точно как сейчас, захожу в дом, размазывая по щекам злые слезы. Меня снова засмеяли, побили, порвали любимое платье! Я леди! Леди! И нечего мне говорить, что в их дурацкой школе все равны! Я старалась не обращать внимание, как и советовали родители, но меня все равно задирали, дразнили, и ладно только на словах, слова не причинят вреда, но вылить чернила на платье? Выдрать и выкинуть ленты из волос? Я ведь ничего им не сделала, за что они меня так не любят? За то, что я чуть лучше одеваюсь и правильно говорю? А еще единственная из всего начального класса умею читать и писать в семь лет? И я не хочу ходить чумазая и грязная, как они! Но надо мной только смеются!

А еще я рассказала всем, что я темный маг, сильный и настоящий! И в будущем пойду учиться в Академию. Но надо мной все снова посмеялись и толкнули в колючие кусты. Те-

перь я вся расцарапанная, и царапины неприятно чешутся, но они заживут, а вот порванное новое платье.. целый клочок выдеран....

Я ненавижу школу! Ненавижу учебу! Ненавижу тех, с кем учусь! И я им всем покажу!

Дома тепло и вкусно пахнет едой, это бабушка готовит обед. Сейчас зайду к ней на кухню и стащу что-нибудь вкусненькое. Жаловаться не буду, ей тоже нелегко приходится.

И на этом моменте детские воспоминания перебиваются мыслями взрослой меня, стоящей здесь и сейчас в старом заброшенном доме. Почему бабушка? Она же подарила мне куклу на пять лет, а через год умерла? Я тогда еще не училась. Это мама готовила. Я точно помню, что она изумительно готовила и ждала меня из школы. Мы проводили много времени вместе, я, папа и мама...

Но на кухне у плиты действительно стоит бабушка.

– Солнышко, ты вернулась? – она не старая еще, сейчас я это отчетливо понимаю. Для мага шестьдесят – это не возраст, и бабушка неплохо выглядит. Только очень уж уставшая.

Потому что она ухаживает за дедушкой...

Воспоминания обрушиваются на меня лавиной и утягивают за собой. Не получается им сопротивляться. Я на самом деле оседаю вниз, ноги не слушаются, тело будто не мое.

– Леди? Что с вами? – слышу со стороны.

– Детка, не переживай, они просто глупые и ничего не по-

нимают, – а вот этот голос более чем реален. Как и мягкие бабушкины руки со вздувшимися венами. Она нежно обнимает меня и гладит по голове. – Я сейчас приготовлю обед, и мы позанимаемся, хорошо?

Я киваю и успокаиваюсь, потому что заниматься мы будем магией. Темной магией.

Мои бабушка и дедушка – оба темные маги, а родители – целители, так уж вышло. Дедушка некромант. Он был на задании, и там что-то произошло. С тех пор дедушка ходил с огромным трудом, так как лежать ему не позволяет гордость. Он опирался на два костыля и так передвигался по дому. А еще читал мне сказки и рассказывал множество историй. Страшных, про нечисть и нежить, с которой я буду сражаться, когда вырасту.

– Не говори ерунды, Джеймс, она пойдет в проклятийники, – бабушка с гордостью гладит меня по голове, ведь она сама – мастер-проклятийник. – У девочки отлично выходят плетения, помани мои слова, она далеко пойдет в этом деле.

Они спорят азартно, но беззлобно, перетягивая меня друг от друга. А потом у дедушки прихватывает спина, сильно. Очередной приступ скручивает, и он, морщась и ругаясь себе под нос, пьет какую-то гадкую микстуру. Я знаю, что вечером папа придет и посмотрит, а еще будет ругаться, что дедушка встает и слишком много ходит. Ему лежать надо, а он... Родители постоянно работают, они хорошие, но молодые целители. К тому же на дедушкино лечение уходит ку-

ча денег, но папа поклялся, что поставит своего отца на ноги. Дедушка ворчит, что лучше бы они на себя и на ребенка тратились, но я знаю, как ему хочется ходить. Нормально ходить. И я бы тоже очень этого хотела. Он обещал отвести меня на кладбище и показать настоящих духов. Сказал, что некромантия – куда интереснее проклятий.

Но сегодня я не пойду к бабушке в комнату. Не сейчас.

Сейчас я спущусь в подвал, где мы с бабушкой тренируемся. Да, я знаю, что мне строжайше запрещено ходить туда одной и использовать магию, ее в моем возрасте вообще применять нельзя, и на меня бы ограничивающие браслеты из адаманта надеть – это мама говорит. Но бабушка не согласна.

«Элиза справится, она умничка и быстро учится, схватывает все на лету», – бабушка упорно занимается со мной. А мама поджимает губы. Ей не нравится темная магия, но целительского дара во мне – три капли. Вернее, четыре. Этого слишком мало, чтобы пойти по их стопам, да мне и не хочется. Проклятья или некромантия куда интереснее.

Подвал заперт на магический замок, но я давно выучила рунические символы, отпирающие дверь. Бабушке, конечно, не сказала, просто каждый раз смотрела, как она делает, а потом сама пробовала – и научилась. Я и правда схватываю все на лету.

Магический замок я сняла, вот бы еще дверь не скрипнула. Бабушка все время ворчит, что смазать надо, но не жен-

ское это дело. А мужчины в доме – один не может, а другой слишком занят. У самой бабушки все руки не доходят, вот она и морщится каждый раз, когда мы идем заниматься, а дверь протяжно скрипит.

Мне же нужна маленькая щелочка. Я не собираюсь распахивать ее целиком, чуть-чуть, и бочком прошмыгнула внутрь, плотно прикрыв за собой тяжелую, обитую железом и украшенную множеством сдерживающих магию рун дверь. Задвинула щеколду – бабушка всегда задвигает, чтобы никто не помешал. Внутри созданный мной простенький магический светляк освещает небольшое пространство: исчерченный много раз пол, стол, табурет, шкаф с книгами, которые должны храниться под замком. Одну мне бабушка как-то показала и сказала, что это не просто книга – это гримуар. Не знаю, правда, чем они отличаются друг от друга, но бабушка назвала его семейной реликвией и пообещала подарить на окончание Академии.

Когда ты будешь готова с ним работать», – пояснила она.

И я теперь точно знаю, что там собраны сильные проклятья. Именно то, что мне нужно.

Встав на табурет, я залезла в шкаф и с огромным трудом вытащила книгу. Наверное, гримуар он из-за немалого веса, который я едва удержала в руках. Спрыгнув, положила книгу на пол и принялась листать страницы. Я умела читать, но здесь почти ничего не понимала, гримуар будто на другом языке написан, только отдельные слова знакомы. Мне

такое проклятье нужно, чтобы все в моем классе облысели и прыщами покрылись, словно жабы. И пусть позеленеют тоже. Будут знать, как связываться с темным магом!

Наверное, я пролистала половину книги, пока не нашла проклятье, в котором точно что-то говорится про волосы. Или нити? Не разберу. Но пусть будет это. Чтобы они все облезли, как лишайные!

Слова понимала плохо, но в проклятьях главное – чертежи, а я отлично умею выводить руны, меня бабушка этому учила. Я очистила пространство на полу и принялась старательно выводить один символ за другим. Их всего семь на картинке. А для надежности еще и запястье прокусила, чтобы брызнуть кровью на чертеж. С кровью любое заклинание в десять раз усиливается – мне дедушка говорил. Сейчас я всем покажу!

Слова странные, но я читаю их по книжке раз за разом и вливаю все силы, всю магию. Как приправами бабушка посыпает еду, я отдаю проклятью все свои обиды, накопившиеся за несколько месяцев в школе, боль, злость, унижения, страх, что они снова будут меня обижать. Из меня буквально льются эмоции... А потом боль становится реальной, страх сдавливает горло, и я безвольно падаю на колени.

– Элиза! Элиза! Открой!

В дверь барабанят. Это бабушка. Наверное, почувствовала магический выброс даже через изоляцию. И я хочу остановиться, мне больно и плохо, но магия хлещет и небольшая

ранка от зубов на запястье отчего-то разрослась и кровь выходит из нее толчками, заливая пол. А потом из моего рюкзака поднимается черная тень, и кровь вплетается в нее, наполняя силой и продолжая тянуть из меня жизнь. И вот теперь мне по-настоящему страшно.

Не знаю, как именно, но дверь со скрипом отворяется.

– Элиза! – бабушка хватается меня за руки, поднимает, но кровь лучше любых веревок держит, не позволяя меня вынести.

Словно якорь.

И дико больно. Так, что ни слез, ни крика. И только то ли хрип, то ли стон чудом проходит через сдавленное горло.

– Леди! – смутно знакомый голос прорывается в сознание. Крепкие руки держат меня за плечи. Только чьи? Бабушка или рыжий страж? Где я? С кем я? – Леди, очнитесь!

– Элиза, открой глаза! Не закрывай их! Держись!

– Элиза, Агнес! – дедушка, конечно, тоже почувствовал магию. Он очень спешил. Так спешил, что упал и кубарем скатился с лестницы.

– Ко мне! Агнес, принеси ее! – чуть отдышавшись, зовет дедушка.

И нас накрывает щитом.

Но не получается, все идет не так. Темнота вокруг сгущается, бабушка пытается разорвать привязку, но я и черная тень связаны намертво. Тень пьет мою жизнь, я чувствую, как становится все холоднее, а веки тяжелеют. И моя бабуш-

ка, моя любимая бабушка достает из волос шпильку и прокалывает себе руку на сгибе локтя.

– Агнес, – это дедушка, но бабушка упрямо мотает головой, зажимает мою рану и подставляет свою.

И тень отпускает меня. Теперь струйка крови алой нитью связывает бабушку и... существо.

– Уничтожь его, – она смотрит деду в глаза. – Через меня, по-другому уже никак.

И я читаю на лице бабушки отчаянную решимость.

– Быстрее, когда она отъестся, мы ее уже не остановим.

И дед прижимает нас к себе, крепко, целует бабушку и меня. А потом вспышка магии. Сильная, резкая. Крики, уже не понять – мои, бабушки, деда или той твари, которую я создала?

А потом только темнота.

Чьи-то руки подхватывают меня и несут...

В следующий раз я открываю глаза явно не дома. Светлые стены, чужая кровать, родители, рыдающая мама, папа, молча смахивающий редкие крупные слезы.

– Мы вылечим тебя, детка, – мама вся дрожит. – Мы обязательно тебя спасем! И больше никакой темной магии! Никакой опасной магии вообще! Никогда, слышишь! Никогда!

И снова плач. И опять темнота.

И моя жизнь, застывшая где-то на грани сна и яви. Я вижу родителей. Они приходят, сидят со мной, говорят друг с другом, о чем-то спорят и постоянно ругаются. Мне так пло-

хо, а они ругаются. Я бы хотела попросить их перестать, но голоса нет, сил нет. Я неподвижно лежу. Из обрывков фраз я поняла, что та тварь, которую я по незнанию вызвала, почти выпила мою жизнь. И если бы еще чуть-чуть – выпила бы полностью. Но бабушка с дедушкой не позволили. Я так хочу спросить, что с ними? Как они? Почему не приходят ко мне?

И когда голос через неимоверно долгое время возвращается, чужой, глухой, надломленный, первым моим вопросом было: что с ними?

– Их больше нет, – мамин ответ звучит жестко, нет – жестоко.

Как нет? Почему?

– Мари, ей же нельзя переживать.

Папа неодобрительно качает головой, а мама снова поджимает губы. Она так похудела за это время.

А я, если верить глазам, вообще истончилась. Руки, как веточки, пальцы, обтянутые кожей. И сил нет даже на еду. Меня кормят с ложечки, а я все время лежу и почти всегда сплю. И мне страшно. Дедушка так хотел снова ходить, и я хочу! Только как же дедушка и бабушка? Неужели их и впрямь...

– Элиза! – мама хватается меня, а я снова, как тогда, не могу ни кричать, ни плакать, ни дышать.

– Я же говорил, что ей нельзя нервничать! – это папа.

Мне так плохо, что я ничего дальше не разбираю. Только понимаю, что они снова ругаются.

– Леди!

Моя голова дернулась, щеку обожгло, но боль реальная и близко не стояла рядом с той, что я испытываю там.

И снова темнота.

– Мы обязательно вылечим ее, – в голосе папы бесконечная усталость. – Я заложил дом в Миасском банке, мы с тобой пока можем пожить в клинике, все равно Элиза здесь.

– Это ее не спасет, – а в мамином голосе пустота и обреченность. – Даже если продадим дом, за него много не дадут, не столько, сколько нам нужно...

– Мне кое-что предложили в банке, когда узнали, что я целитель-вирусолог, тебе покажется странным и, наверное, не понравится, но это наш шанс...

А дальше я упала. Вверх. Это странно, будто подбросило, тело выгнулось дугой, воздух почти разорвал легкие.

– Драконья чума! Да очнитесь же, Элиза!

Я вцепилась в чьи-то руки, боясь, что снова провалюсь в те страшные воспоминания. Не хочу больше, не могу. Да и я знаю, что случится потом. Несложно догадаться. Им предложили работу, оплату долгов и моего лечения, и родители от безысходности приняли предложение. А потом придет человек в черном плаще, я совсем не помню его лица, только яркие четки, обмотанные вокруг запястья.

– Вы точно сможете? – мама боится и обнимает папу, ища поддержки.

Папа тоже волнуется, это заметно.

– Воспоминания нельзя стереть, – странный акцент, растягивающий гласные, делает речь незнакомца напевной и завораживающей, – но можно закрыть эпизод, заблокировать кусок памяти. Главное, чтобы не осталось ничего, что могло бы о нем напомнить. Чем меньше ассоциаций – тем меньше вероятность, что память о том дне вернется. Она пока ребенок, у нее гибкая психика и живое воображение. Взрослый бы начал задаваться вопросами, а ребенок в своем сознании просто дорисует фрагмент, заполнит его, придумает недостающие части. Зато ей не придется со всем этим жить. Разве вы не считаете, что так будет лучше?

Родители, наверное, считали, а вот я уже нет. Лучше бы я жила со всем этим всегда, чем узнала все только сейчас, много лет спустя.

– Леди, как хотите, но я вызываю целителей на помощь, – и этот уже вполне твердый мужской голос окончательно вернул меня в реальность.

– Нет, – я схватила стража за руку. – Не надо никого.

Я с удивлением обнаружила, что рыжий страж вынес меня из дома, и теперь я лежу на земле у входа, а он нависает сверху.

– Вы стонали, кричали и плакали, – пояснил Саймон на мой удивленный взгляд. – Я уже не знал, что делать, боялся, что у вас начнется приступ.

– Это воспоминания, – я встала и пошатнулась, но страж меня поймал.

– Посидите еще, – в голубых глазах плескалось волнение.

– Нет, я должна все увидеть еще раз, поможете?

Саймон недовольно вздохнул, но подал мне руку.

– Может, хотя бы расскажете, что произошло? Здесь все пропитано темной магией, причем очень темной, из запрещенных разделов.

– Вы чувствуете? – а не зря ли я привела сюда тайного стража?

– Я темный маг, – и вот тут я пораженно уставилась на своего компаньона. Рыжий темный маг? И такие бывают? – Некромант, и знаю, что не похож.

– Ни капельки, – подтвердила я.

– Так что случилось в вашем доме?

– Я хотела проклясть одноклассников. И... – это нужно сказать вслух. Не для не него – для себя. – Я убила своих дедушку и бабушку.

– Каким образом? – страж замер.

– Я что-то призвала, какую-то сущность. Она тянула у меня кровь и силы, а бабушка перепривязала ее на себя. Дедушка... уничтожил обоих, отдав на борьбу все силы. Я выжила.

А они – нет.

– Да уж, вы умеете удивлять... – протянул страж.

Я подошла к двери. Она совсем не изменилась, даже руны еще читаются.

– Она магически запечатана, – начал Саймон, – такой за-

мок быстро не вскрыешь. Ключа, как от дома, для нее нет.

Я вывела руны по памяти, точно так же, как в тот злополучный день. Дверь открылась с душераздирающим скрипом. Саймон промолчал.

Мы вместе спустились в подвал, отсыревший и заросший черной плесенью. Кажется, в нем до сих пор витал дух чего-то страшного и нечеловечески жуткого.

– Я знаю, что вы сделали, – молодой человек опустился на корточки и коснулся темного пола ладонями. – Вы вызвали потустороннюю сущность, точно не скажу какую, но не озаботились защитой. Еще и кровью накормили, да? – я кивнула. – Повезло, что его вообще изгнали.

– И что теперь? – я только сейчас окончательно поняла, что тайный страж стал невольным свидетелем моего давнего преступления, которое родители так тщательно пытались скрыть даже от меня самой.

– Не знаю, – вздохнул Саймон, поднимаясь и отряхивая руки. – Не знаю, мне надо подумать.

16. Признание

Было о чем подумать. У меня голова гудела от реальных воспоминаний и моих собственных фантазий, породивших иллюзии мирной жизни.

В придуманном мною детстве не было места странным тениям, смерти любимых бабушки и дедушки, которых сгубила моя глупость. Ушедшие, как же я могла?

Мы поднялись из подвала по отсыревшим ступеням, и полусгнившая лестница каждым звуком говорила, что задерживаться на ней не стоит. Выйдя в едва освещенный коридор, Саймон попросил активировать защиту на подвале.

– Кто бы ее ни поставил, он был мастером своего дела, – уважительно заметил страж.

– Бабушка. Это она меня учила, показывала схемы, объясняла, как правильно распределять магию по потокам...

– Сколько вам было лет, когда они погибли? – я видела, как рыжий некромант сплетает одно заклинание за другим, знать бы еще, что он делает.

– Семь лет. Я пошла в обычную школу, у родителей тогда не было средств на частную. А там надо мной издевались, – признание давалось с трудом. – Что теперь со мной будет?

– С вами? – удивился Саймон. – Ничего не будет, конечно. Кто возьмется судить семилетнего ребенка, которого взрослые сами же обучили темной магии? С таким же успехом

можно каждый день показывать, как зажигать спички, и потом оставить коробок на виду.

– Но ведь это я во всем виновата!

И в пустом мертвом доме злое эхо подхватило последнее слово, будто подтверждая: виновата-виновата...

– В чем именно? Что вместо ограничителей вам дали совсем не детские знания? – переспросил страж. – Или в том, что из всех вариантов помочь ваши родители выбрали работу на Миасский банк?

– У них не было выбора!

– Успокойтесь, леди, и просто поверьте: выбор есть всегда, – не согласился рыжий и сделал сложный пасс рукой.

Сумрак растворился, позволив сажающемуся солнцу заглянуть в окна. Воздух стал свежее и чище, будто дом основательно проветрили.

– Бытовая магия? – со светом и воздухом стало как-то проще.

– Темная. Очищение – используется в местах проведения ритуалов, массовых захоронений, могильниках, склепах с возродившимися сущностями. Как видите, и в обычной жизни может пригодиться.

– И все равно, – я обхватила себя руками, вновь и вновь переживая моменты, стоившие бабушке с дедушкой жизни и так повлиявшие на нашу семью потом. – Не могу же я теперь жить как раньше? Что если я попробую выступить на суде и рассказать, почему мои родители так поступили?

– Леди, – страж вздохнул, – ваших родителей обвиняют в слишком серьезных вещах, чтобы рассчитывать на снисхождение суда.

– И все же, они ведь не злодеи. Не прими родители в тот момент предложение банка – меня бы не было в живых.

– Не останови мы Миасский банк вовремя – пострадало бы множество невинных, и детей в том числе, – парировал страж.

– Не они, так кто-то другой все равно согласился бы работать на банк. И почему я вообще с вами спорю?

– Потому что понимаете, что я прав, – улыбнулся молодой некромант. – Я же сказал, что подумаю над увиденным. Надо понять, что именно вы сделали в прошлом, кого призвали, а главное – точно ли его изгнали... Знаете, для семи лет это весьма впечатляюще.

Вот только гордиться собой отчего-то не получалось...

– Это случайность, леди, поймите и примите все произошедшее. И позвольте проводить вас до Академии, после десяти туда неохотно пускают, а опоздавшим начисляют штрафные баллы.

И стоило ему это сказать, как я осознала две вещи. Первая – надо бы поспешить, штрафные баллы мне совсем ни к чему. А вторая – я дико устала и совершенно вымоталась. Да меня ноги едва держат, и то только потому, что на стену опираюсь.

– Думаю, вызовем экипаж, – заключил страж, правильно

оценив мое состояние.

Спорить я не стала.

И была искренне признательна за то, что страж взял у меня ключ, металлическую печать и закрыл дом, заново активировав все защитные плетения. И от предложенной руки, на которой буквально повисла, не стала отказываться.

В пойманный Саймоном экипаж я вошла с трудом и сразу же рухнула на сиденье. Страж сел рядом, сначала стараясь соблюдать приличия и держать дистанцию. Получилось ровно до первого поворота, на котором я едва не слетела с жесткой, обитой потертой кожей лавки. Пришлось некроманту ловить меня, обнимать за плечи и прижимать к себе, попутно зачем-то принося извинения.

Я же безо всяких извинений и лишних слов положила ему голову на плечо и сразу же вырубилась. Но даже во сне увиденные образы не отпускали, напротив, они стали ярче, четче, реальнее.

Когда Саймон разбудил меня у Академии, я испытала немалое облегчение. Вот только ноги держали плохо, и из экипажа рыжий страж меня вынес на руках. Хорошо хоть за это извиняться не стал.

– Леди, – страж бережно поставил меня на землю, – я могу, воспользовавшись значком, пройти в Академию и проводить вас до комнаты. Но, боюсь, мое появление вызовет ненужные слухи. Возможно, у вас есть друг или подруга, которые согласятся помочь? Или куратор по учебе.

– Ой, нет, только не куратор, – завкафедрой точно не оценит подобного возвращения, его внимания я боялась больше слухов, которых вокруг моей персоны и без того наплодилось достаточно. – Соседка, Элис Дьяр. Надеюсь, она на месте.

В том, что Элис в комнате – я почти не сомневалась. Главное – чтобы согласилась помочь.

Пока мы ждали подмогу, Саймон предупредил, что придет за мной послезавтра к шести – сразу после дежурства. И я благодарно кивнула: он мне ничего не должен, но отчего-то взялся помогать. Надеюсь, помощь его идет от чистого сердца, а не по заданию тайной стражи.

Элис не подвела, правда, к проходной вышла ужасно недовольная. Но стоило ей увидеть меня, как недовольство сменилось тревогой.

– Элиза? – Рыжая (что-то много рядом со мной рыжих в последнее время) почти подбежала к нам. – Что с тобой опять стряслось? Ушедшие, да ты белая, как мел!

– Сможете проводить ее до комнаты? – некромант с сомнением разглядывал девушку еще худее и чуть выше меня ростом.

– Смогу, конечно, – сверкнула глазами соседка, – давайте ее сюда.

Элис приняла меня у стража, крепко обхватила за талию, руку мою закинула себе на плечо и совсем не женственно потащила в общежитие.

«Да уж, с такими повадками парней не очаруешь», – пришла в голову неуместная мысль. Высказывать ее вслух я не стала, а то еще бросит меня посреди огромной территории Академии, с нее станется, придется самой ползти.

Комендантша проводила нас подозрительным взглядом, но вопросов не задала – и на том спасибо. А еще повезло не встретить никого из знакомых, не хотелось бы предстать перед однокурсниками в таком неприглядном виде.

На кровать меня Элис почти скинула и сама упала рядом, но говорить ничего не стала. Просто посидела на моей кровати, то и дело бросая косые взгляды. Потом встала, поставила чайник на спиртовку, насыпала в кружки заварку, а после залила кипятком.

– Держи, – рыжая почти впихнула мне дымящуюся кружку. – И конфеты бери, я чуть-чуть поела, но там еще много.

Наполовину опустошенный пакет лег мне на колени.

И никаких вопросов. Я допила кружку, съела одну конфету, показавшуюся приторно-сладкой, и ждала.

– А почему ты не спрашиваешь, что со мной случилось? – спустя несколько минут гробового молчания поинтересовалась я.

– Да ты же все равно никому ничего не рассказываешь, – Элис безразлично пожала плечами. – Но ведь и дураку ясно, что ты не от хорошей жизни из платной комнаты съехала, поссорилась с прежними подругами и начала учиться.

– Да, – я посмотрела в окно, которое мы так и не зашто-

рили. На небе появлялись первые звезды, а свет в комнате не зажгли. – Все так и есть, не от хорошей. Моих родителей арестовали по обвинению в государственной измене, и все пошло кувырком. Такое чувство, что моя жизнь разделилась на «до» и «после». А сегодня я столько всего узнала, вернее вспомнила, что теперь и не уверена, было ли вообще это «до»...

И я говорила. Много. Долго. Про вызов тайной стражей, допрос, дом новый, из которого я взяла самое необходимое, точнее, должна была взять, а в итоге набрала кучу других вещей, но это ерунда. А потом про старый дом с его тайнами, запечатанными больше десятилетия, проклятье и вызванную сущность...

Под конец я рыдала у соседки на плече, а та сидела и гладила меня по голове, как маленькую, бормоча при этом какие-то утешительные глупости. Сама не знаю, как получилось, зачем рассказала, ведь не собиралась же. Но слова лились из меня потоком, и слезы от них не отставали. Удивительно, но к концу рассказа стало легче, и вернувшиеся воспоминания будто немного поблекли и улеглись.

– Дела... – только и сказала рыжая, ставя заново на спиртовку чайник. Заварку в кружке она не поменяла, просто залила кипятком по второму разу и протянула мне. – А местор Альдер за что на тебя взъелся? Не просто же так он самые сложные задания тебе дает?

– Да так получилось, – неуверенно протянула я. С одной

стороны, если уж откровенничать – то во всем, с другой – рассказать о моем поступке язык не поворачивался. Теперь затея с шантажом виделась мне не самой удачной как минимум. – Он меня отчислить собирался за неуспеваемость. И даже не в неуспеваемости дело... Просто у меня способности к стихийной и к темной магии намного выше. И он не понимает, что я с тремя магедницами делаю на его кафедре. А я... категорически отказалась отчисляться.

И все же на эту тему я говорить не готова. И Элис, спасибо ей, лезть в душу не стала.

– А по стихийной и темной у тебя сколько? – в отличие от меня, у рыжей конфеты шли на ура. И складывалось впечатление, что сладкое она ест нечасто, раз так дорвалась.

– Восемь по стихии и двенадцать по темной, – призналась я.

– Да ты прирожденный боевой маг! – Соседка чуть конфетой не подавилась. – Темные маги с высоким стихийным потенциалом самые сильные. Тебе прямая дорога в некроманты, ты нежить и поднять сможешь, и упокоить, и уничтожить, если надо будет.

– Бабушка из меня проклятийника готовила, – вздохнула я.

Вместе с воспоминаниями вернулись и чувства. Любовь, привязанность к тем, кто меня растил и проводил со мной времени больше чем родители. И такое острое ощущение потери...

– Проклятийники со стихиями тоже хорошо дружат. Проклятья часто усиливают огнем, ловушки делают. А можно проклясть воду, я о таком читала. И если человек выпьет, – то все. Проклятье не снимаемое. Да ты сама понимаешь, от чего отказываешься?

Отказываюсь? Не знаю, мои родители для меня такого точно не хотели. А чего хотела я? Я буквально грезил темной магией, не зря же так прилежно училась. Я и читала, и писала, и чертила с удовольствием... когда-то мне нравилось заниматься.

– Ладно, не переживай, все наладится, – попробовала приободрить меня соседка. – И повезло, что на завтра готовиться и на занятия идти не надо.

– Почему? – нет, я бы и так не нашла в себе силы сесть за учебники, но все же?

– Забыла тебе сказать, как-то из головы вылетело. Мы завтра дежурим по этажу.

– Что делаем? – не поняла я. Сколько здесь учусь, про дежурства не слышала.

– Дежурим. Так как я раньше одна жила, то дежурила с девчонками из соседней комнаты, а теперь нас двое, так что вдвоем с тобой дежурим.

– И что от нас требуется? – все еще не понимала я.

– За порядком следим, чтобы вода в душевых просто так не лилась, у нас с горячей напряженка. Чтобы магию в коридорах и комнатах не использовали, чтобы на кухне чистоту

соблюдали.

– На кухне? – столовая находилась не то что на другом этаже, в другом корпусе. При чем тут кухня?

– У нас кухня есть на этаже, небольшая, правда, две плиты, раковина и один стол, – пояснила рыжая.

– А зачем, если есть столовая? – сколько открытий за сегодня.

– Если ты не успела в столовую, то можешь приготовить что-нибудь из своих продуктов, – готовка для меня была чем-то сродни зельеварению. – И не забывай, что на каникулы столовая закрывается, а всегда есть несколько студентов, которые не уезжают.

Как-то не подумала про это, хотя теперь сама вхожу в число таких студентов. Идти-то мне некуда. Что делать со старым домом, я так и не решила. Стоит ли возвращать его обратно, и если стоит, то как?

– Но ты права, в учебное время кухней почти не пользуются, так, иногда студенты посиделки устраивают. Твоя задача проследить, чтобы после этого они все за собой убрали.

– Значит душ, магия и кухня? – уточнила я.

– Да. Ничего сложного. В мои смены раньше никогда ничего не случалось, – усмехнулась соседка.

– А почему раньше? Ты думаешь, сейчас что-то случится? – насторожилась я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.